

The background of the book cover is a faded, artistic illustration of a fantastical landscape. It features tall, white, crystalline structures resembling ice or stone, with a winding path or river cutting through the scene. In the foreground, a large, highly reflective golden sphere, possibly a magic mirror or a celestial body, sits on a dark, rocky outcrop. The overall color palette is dominated by light blues, whites, and the warm gold of the sphere.

**В ПОИСКАХ
ДИКОВИННЫХ
КАМНЕЙ
ГИПЕРБОРЕИ**

Ю. О. ЛИПОВСКИЙ

Юрий Липовский

**В поисках диковинных
камней Гипербореи**

«Шапиев Герман»

2017

Липовский Ю. О.

В поисках диковинных камней Гипербореи /
Ю. О. Липовский — «Шапиев Герман», 2017

ISBN 978-5-4236-0052-5

Камни во все времена любили и использовали в разных целях многие народы. Они — участники удивительных событий, герои мифов и легенд, всевозможных поверий и научных открытий...

ISBN 978-5-4236-0052-5

© Липовский Ю. О., 2017

© Шапиев Герман, 2017

Содержание

От автора	6
Амазонитовый пояс Ипполиты, или девятый подвиг Геракла	8
Первая встреча с амазонским камнем	30
Откуда взялось название амазонского камня, или	31
О легендарных амазонках и их загадочном камне, или	33
Там, где амазонки добывали свой камень	37
Камень зеленоликой богини Тары	44
Каменный цветок	50
Целебная сила амазонского камня	51
На земле легендарной Гипербореи	56
Тайна ловозерского гиацинта	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ю. О. Липовский

В поисках диковинных камней Гипербореи

© Липовский Ю. О.

* * *

*Моим коллегам – искателям диковинных камней на священной
земле Кольской – посвящаю.*

От автора

Камни во все времена любили и использовали в разных целях многие народы. Они – участники удивительных событий, герои мифов и легенд, всевозможных поверий и научных открытий.

Когда же самоцветы вошли в жизнь человека и где они добывались в древности? История их освоения еще не написана, нам известны лишь отдельные эпизоды, собранные по крупицам из отдельных источников. О драгоценных камнях писали еще античные историки и натуралисты, такие как *Геродот*, *Теофраст*, *Плиний Старший*. А археологи и историки и поныне находят вещественные доказательства использования в древности многих известных сегодня камней. Стало известно, что бирюзу добывали на Синайском полуострове за 3500 лет до н. э., где сохранились древнейшие выработки, известные как копи царя Соломона. А на берегу Красного моря, в копиях царицы Клеопатры добывали изумруд. На туманном острове Топазос в Красном море египтяне добывали еще один драгоценный камень, так и названный – топазом. Самые же драгоценные камни – алмаз, рубин и сапфир – добывали из россыпей в «стране чудес» Индии за 1000 лет до н. э. А купцы везли в Египет любимый фараонами лазурит из далекого Бадахшана (на территории Афганистана). До нас дошло описание самого древнего из известных ювелирных украшений, эфуда – нагрудника древнееврейских первосвященников, украшенного двенадцатью драгоценными камнями. Среди них уже известные нам бирюза, изумруд, топаз, аметист и другие.

Долгое время у многих народов, населявших Европу, бытовало мнение, что все драгоценные камни родом только из южных заморских стран – Египта, Персии, Индии и из Малой Азии. И у нас на Руси считали, что все «диковинные камни» (как называли необычные самоцветы) не могут родиться в холодных северных землях. А эти диковинные камни находились именно здесь, на территории нашего Севера и Уральских гор! Об этом нам поведали древнегреческие мифы, легенды и свидетельства историков. Взять хотя бы миф о девятом подвиге Геракла, знакомый нам со школьной скамьи. Напомним, Геракл отправился по повелению царя в страну амазонок, чтобы добыть золотой пояс царицы Ипполиты. По поводу того, как он добыл этот пояс и из чего он был сделан, мнения мифотворцев разделились. Что касается самого пояса, то греческий историк Аполлоний Родосский поведал, что он был сделан из пестроцветного зеленого камня, добытого на территории дикой Скифии в Рифейских горах. А Рифеем древние греки называли наш Урал, где действительно есть этот самый пестроцветный зеленый камень. И назван он амазонским, или амазонитом, в честь древних женщин-воительниц, использовавших этот камень в ритуальных целях. На Урале, в Ильменских горах, сохранились копии с амазонитом.

Есть много свидетельств тому, что любимые древними греками дары природы – янтарь, жемчуг, аметист, гранат-альмандин, гиацинт, сапфир – они получали из Гипербореи. Так древние греки окрестили легендарную страну на Крайнем Севере, земли за владениями бога северных ветров Борея. Название дословно обозначает «за Бореем», «за севером». Греческий историк *Геродот* писал, что здесь жили гипербореи, исполинский народ, почитавший бога Аполлона и живший в вечном блаженстве при постоянном свете солнца. Геродот указывал, что гипербореи жили к северу от своих соседей-скифов, то есть на территории современной России. А еще он поведал, что гипербореи ежегодно доставляли в Дельфы (священный город дельфийских оракулов в Греции) свои дары, в том числе и камни. С тех пор загадочная северная страна гипербореев волновала умы многих исследователей. А знаменитый средневековый историк-картограф *Герхард Меркатор* впервые составил карту Гипербореи, которая располагалась на территории нашего Кольского полуострова и Северной Карелии.

Весьма примечательно, что первую экспедицию на поиск Гипербореи отправила в 1864 году императрица Екатерина II. Для этого снарядили два корабля под командованием адмирала Василия Чичагова. Известно, что материалы этой экспедиции адмирал передал М. В. Ломоносову – и на этом сведения обрываются.

Поиски Гипербореи на Кольской земле возобновили уже в советское время. В 1921 году в центре Кольского полуострова, возле легендарного Сейдозера работала специальная научная экспедиция под руководством *А. В. Барченко*, собравшая многие интересные факты, которые были засекречены. И в наше время исследователи продолжают искать на Кольском полуострове следы северной гиперборейской цивилизации, уходящей вглубь тысячелетий. Пример тому – работа научно-исследовательской экспедиции «Гиперборея-98» под руководством академика *В. Н. Дёмина*. Интересные находки, подтверждающие существование древней цивилизации, были недавно сделаны экспедициями Русского географического общества. Они обнаружили в различных районах Кольского полуострова и на островах Белого моря наскальные образы древних божеств, лабиринты, каменные святилища – сейды, каменный трон на берегу моря и каменные пирамиды, которые были построены намного раньше египетских. В эту копилку неоспоримых фактов существования Гипербореи могут внести свой вклад и геологи, работавшие на Кольской земле в поисках самоцветов и редких минералов. И они открыли здесь удивительный мир необычных или, как говорили в старину, диковинных камней, каких на земле мало или вообще больше нигде нет. Были найдены и следы древнейших выработок – копь на горе Вавнбед с легендарным **цирконом-гиацинтом**, копи на побережье Белого моря с пурпурным **аметистом** – «камнем трезвости» древних греков и другие.

В Хибинах было открыто единственное в мире месторождение «звездного камня» – **астрофиллита**. Он, по поверьям местного населения, лопарей, считается священным камнем далеких предков – йети, то есть гипербореев. На вершинах многих гор не раз приходилось видеть древние святилища – сейды в виде уложенных пирамидой камней и гигантские мегалиты – огромные глыбы весом 1–3 тонны, установленные на трех подпорках из шарообразных камней.

Обо всех диковинных камнях, найденных в те, далекие уже годы, рассказывается в этой книге. Особое внимание уделено самому загадочному **амазонскому камню**, подарившему автору немало памятных встреч на Урале, Кольском полуострове и в Монголии. Раскрыть все тайны «камня амазонок», объяснить его происхождение, необычайный состав и воздействие на человеческий организм еще предстоит будущим пытливым исследователям.

Амазонитовый пояс Ипполиты, или девятый подвиг Геракла

На потемневшей поверхности шумно-широкого моря ходили плавные волны, раскачивая, как колыбель, палубу корабля. С берега царства амазонок дул несильный, но упорный ветер, под напором которого корабль плыл обратно в Элладу. Хмурый Геракл, как монумент, застыл на палубе, вглядываясь в исчезающую в голубой дымке землю. На палубе под навесом лениво разлеглись спутники-воины, во главе с афинским героем Тесеем. Они пили вино, горланили песни, судачили о своих встречах с амазонками, делясь подробностями любовных утех с этими необъезженными, как лошади, и строптивыми, как кошки, женщинами. То и дело среди молодых людей раздавался гомерический хохот. Геракла раздражали их пьяные голоса, да и само их присутствие на корабле. Зачем они увязались с ним в этот поход в страну амазонок? Взять хотя бы Тесея, сына царя Афин, прославившегося победой над Минотавром. Что ему, своей славы мало? Гераклу не нужна была помощь ни Тесея, ни его хваленых воинов – они едва не погубили себя и их задание. А теперь чувствуют себя победителями, словно это они добыли пояс Ипполиты.

Рис. 1. Статуя амазонки

Геракл был раздражен и не находил себе места. А когда к нему незаметно подошел корабельный мифотворец Филопатр и елейным голосом попытался узнать, как он добыл пояс, Геракл едва не выбросил того за борт. Этого словоблуда навязал Гераклу царь Эврисфей, чтобы он был свидетелем его походов и достойно их описал для истории. Но мифотворцу на сей раз не повезло. На берег к амазонкам он не решился сойти, ибо не был настоящим мужчиной, избегал женщин и признавал только однополую любовь. Однако Филопатр был придворным мифотворцем на службе у царя Эврисфея, и от него ждали очередной оды о подвиге Геракла. Потому, не получив от Геракла нужной информации, он махнул на него рукой и успокоился. В конце концов, пусть себе герой буянит, ходит по палубе взад-вперед так, что она качается под его ногами. Пусть бесится! Герой имеет на это право – ведь пояс царицы амазонок находится у него. Геракл выполнил задание царя, а он, Филопатр, выполнит свое – распишет как надо очередной подвиг героя. Ему не привыкать это делать. К тому же он раздобыл кое-какие сведения из уст подвыпившего Тесея и его воинов. Успокоившись, мифотворец уединился в своем уголке на корме и, достав из сундучка восковые таблички, стал выводить заостренной палочкой строки своей хвалебной оды: «Ода в честь подвига Геракла, сына Зевса, написанная придворным историком Филопатром из Афин».

*В царство диких амазонок устремился
необоримый Геракл,
Дабы свершить во славу свой девятый подвиг,
Овладеет там волшебным поясом Ипполиты,
Что даровал Арес непобедимой царице.*

*Долгим был путь у Геракла, Тесея и их воинов.
Но корабль, проплывши через бездны морские,
Где властвует сам Посейдон с грозным трезубцем,
Достиг Фемискиры¹, столицы племен амазонок.*

*Там уже ждала героев несметная рать стиганор².
С копьями были те девы-воительницы,
С детства познавшие грозное дело Ареса.
Крепче железа был дух их могучий.*

*Были из меди доспехи у них и лики ужасны,
Ибо поведала им Артемиды-охотница
О задумке Геракла похитить тот пояс,
Что стягивал чресла непобедимой царицы.*

*Устремилось на Геракла сонмище грозных эриний,
И впереди них летела как вихрь Меланиппа,
А с нею Аэлла, Протоя и Антиопа —
Самые любимые подружки царицы.*

¹ Фемискира – исторический город в Малой Азии.

² Стиганоры – буквально «мужененавистницы».

*И напали на Геракла сразу семь амазонок,
Окружили героя, пустив в него свои копья.
Но они миновали сына Зевса —
Все пролетели мимо, не задев исполина.*

*А Геракл, пришедший в ярость,
поразил их огромной палицей,
Так что замертво грохнулись подлые девы.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все снизили они в царство Аида —*

*Такая их участь постигла.
Победили герои необузданную рать амазонок,
В страх их вогнали, и бегством спаслись они.
А вот рыжую Антиопу пленил сам Геракл,*

*Однако вернул ее Ипполите
В обмен на волшебный пояс царицы.
Так совершил свой девятый подвиг Геракл,
Исполнив наказ царя, чем заслужил похвалу самих Ники и Дики³.*

³ Ника – богиня победы, Дика – богиня правды, олицетворяющая справедливость.

Рис. 2. Геракл Фарнезе (с античной статуи)

А герой, о котором писал Филопатр, по-прежнему продолжал ходить по палубе. Гнев поселился глубоко в душе Геракла и не находил выхода. И если бы в этот момент из морской пучины вылезло какое-нибудь чудовище, он бы придушил его своими руками, совершив еще один подвиг. А вместо этого перед пылающим от гнева взором Геракла возник маленький колченогий человек с медно-красным лицом и серебряной серьгой в ухе. Это был кормчий Кефал, старый искусный мореход, которого без слов понимала вся его команда из свободных моряков и рабов-гребцов. Да и все остальные, включая эллинских воинов во главе с Тесеем, относились к нему с должным почтением. Они понимали, что жизнь каждого на море зависела не только от милости богов, но и от виртуозного искусства этого маленького бога корабля. В молодости Кефал увлекался философией, а потому щеголял в своей речи мудрыми изречениями великих учителей.

– Что скажешь, Кефал? – спросил Геракл кормчего.

– Ветер крепчает, – ответил тот невозмутимо.

– Ну и что же из этого следует? – промолвил Геракл, едва сдерживая себя.

– Гнев – это ветер, который гасит свечу мудрости, – ответил Кефал, глядя на Геракла ясным спокойным взором.

И, не сказав больше ни слова, кормчий повернулся и ушел обратно к своей команде. А Геракл после его слов перестал ходить, опустился на палубу и коснулся рукой висящего на его шее пояса Ипполиты. От зеленых камешков, из которых был сделан пояс, исходила какая-то неведомая сила, очищающая и согревающая душу. Геракл прижал пояс к сердцу, и оно забилося сильно-сильно, как в тот незабываемый момент, когда он прикоснулся к божественной Ипполите. Да, мойры⁴ все же были великодушны, подарив ему эту желанную встречу. Ничего в мире нет прекраснее, чем женская красота, и сильнее, чем любовь. Но любовь эфемерна и ускользает, как черта горизонта. И она осталась там, в стране амазонок, куда привела его сама судьба. И, не выпуская из рук волшебного пояса, Геракл погрузился в воспоминания о том, что же произошло с ним в царстве амазонок.

⁴ Мойры – греческие богини судьбы: Клото пряла нить жизни, Лахесис определяла жребий, а Антропос перерезала жизненную нить.

Рис. 3. Иппотита Царица амазонок

...Поначалу все складывалось удачно. Геракл и его спутники, преодолев долгий путь, достигли берегов Понта Эвксинского, где находилось царство амазонок со столицей Фемискирой. Слава о подвигах Геракла достигла Фемискиры, и когда Геракл с отрядом воинов сошел на берег, то навстречу им вышла сотня амазонок во главе с царицей Ипполитой. Амазонки, вытаращив глаза, взирали на Геракла, который как исполин возвышался над своими молодыми сильными воинами. И первой к нему подошла Ипполита, со спокойной уверенностью и отточенностью движений, высокая и величавая. Смуглое от загара лицо цвета меди делало ее похожей на египтянку. Гордая крепкая шея, увенчанная бусами из солнцеподобного электрона⁵, держала голову с узлом иссиня-черных волос. Сильное тело царицы, обвитое складками полупрозрачного хитона, обнажавшего плечи и левую грудь, высокую и широкую, придавая телу особую чувственную красоту. Геракл замер, не находя слов, при виде сразу пленившей его дикой красоты царицы. Он посмотрел в лицо Ипполите и встретил смелый и веселый взгляд ее ярких и зеленых, как море, глаз.

– *Хайре*⁶! – выдал из себя приветствие изумленный Геракл.

– *Хайре*! – ответила Ипполита с широкой белозубой улыбкой, и вдруг ее глаза потемнели, утратив веселый блеск, потемнели, как море перед бурей, и она испытующе посмотрела на могучего героя. – Скажи мне, великий сын Зевса, что привело тебя к нам? С миром ты пришел или с войной?

Что мог ответить Геракл, суровый и могущественный герой, совершивший подвиги и одолевший разных чудовищ? Впервые на его пути встала женщина, прекрасная и неотразимая как богиня. И суровый воин, смягчившись сердцем, честно признался ей:

– Прекрасная царица! Не по своей воле пришел я в твоё царство с вооруженными воинами. Меня прислал к тебе властитель Микен Эврисфей, которому я по воле Зевса служу и должен совершить двенадцать подвигов. Только после этого я обрету свободу. И вот, Эврисфей дал мне девятое задание – добыть твой пояс, подарок бога Ареса. Этим поясом хочет обладать его дочь, коварная и властолюбивая Адмета. Но ни я, ни мои воины во главе с афинским героем Тесеем не хотим войны с вами – с женщинами не воюют, их любят.

И ответила на чистосердечное признание Геракла царица Ипполита:

– Сын Зевса, ты могуч и прекрасен, как бог-громовержец. Но ты еще мудр, как оракул.

И, подойдя вплотную к Гераклу, Ипполита внезапно сорвала с себя одеянье и предстала перед ним как богиня, вышедшая из пучины моря. Широкий пояс из неведомых зеленых камней спускался с ее крутых бедер, закрывая лобок Венеры. Геракл стоял, ослепленный красотой ее медного тела и сиянием пояса, сравнимого с цветом бурного моря с белыми гребешками волн.

– Алкид⁷, я отдам тебе пояс, если ты исполнишь мое сокровенное желание, – промолвила Ипполита, положив руку на его плечо.

Геракл вздрогнул, впервые услышав свое подлинное имя, которым звали его в детстве и юности, пока он не стал героем.

– Что я должен сделать для тебя? Какой совершить подвиг? Я готов ко всему! – воскликнул он.

– Выслушай меня, Алкид, и не удивляйся тому, что услышишь. Знай же, что мы, амазонки, с мужчинами жить не можем, и не зря эллины называют нас *стиганорами*. Мы свободны, занимаемся охотой, лошадьми, а домашним делам, что выполняют эллинские жен-

⁵ Электрон – древнегреческое название янтаря.

⁶ *Хайре*! («Радуйся!») – греческое приветствие.

⁷ Алкид в переводе – «сильный».

щины, мы не обучены и не хотим их знать. Мужчины нам нужны лишь для пополнения нашего женского племени. Поэтому ежегодно в месяц *гекатомбейон*⁸ мои амазонки встречаются с мужчинами из местных племен скифов и в течение двух недель предаются свободной любви с ними. А когда у них рождаются дети, то мальчиков отдают скифам, а девочек мы оставляем себе. Ты прибыл, Алкид, со своими воинами как раз в долгожданный для амазонок *гекатомбейон* – месяц любви. Взгляни только, с каким воодушевлением и надеждой глядят амазонки, а среди них мои верные помощницы – Меланиппа, Аэлла, Протоя и Антиопа – на твоих воинов. Эллинские воины молоды и сильны, как и мои амазонки, а от сильных пар рождаются сильные дети.

Геракл, с любопытством слушающий необычную речь царицы, бросил взгляд на толпу амазонок, окруживших Тесея и их воинов. Эллины после долгого и изнурительного морского перехода совсем расслабились. Они побросали на землю свои щиты и копья и с вожделением глядели на полуобнаженных амазонок, угощавших их хмельным скифским вином. Казалось, боги принесли мир на землю амазонок, и грозный Арес уступил место веселому и разгульному Дионису⁹.

Но удивление Геракла стало еще больше, когда Ипполита перешла к самому главному.

– Я тоже амазонка и должна выполнить, как и все, свою главную задачу. Однако я царица, и потому желаю зачать дочь только от героя, ибо ей надлежит быть лучших царских кровей. Я хочу дочь от тебя, Алкид. А за это я отдам тебе свой пояс. Ты сам снимешь его с меня в час любви. Ты согласен?

– Я согласен! – воскликнул Геракл, ошеломленный таким предложением. – Наконец-то мойры послали мне счастливую встречу с тобой – бесценный подарок за все мои тяжкие труды-подвиги!

Рис. 4. Греческие амазонки

И, удовлетворенная его ответом, Ипполита промолвила, глядя на Геракла сияющими хризолитовыми глазами:

⁸ *Гекатомбейон* – древнегреческий месяц года (середина июля-середина августа).

⁹ Дионис – бог вина и веселья.

– Тогда отдай приказание своим воинам: пусть отдыхают, веселятся, пьют вино и наслаждаются любовью с моими девами. А тебя я приглашаю не в приемный дворец в Фемискире, а в храм Артемиды, где мы уединимся с тобой в течение отпущенного времени, – рука Ипполиты нашла руку Геракла, крепко сжала ее и потянула за собой. – Пойдем за мной, *астер эймос*¹⁰.

Они покинули ликующую толпу амазонок и воинов и, обогнув Фемискиру, сверкающую белизной домов, пошли по утоптанной тропинке, ведущей в гористую местность. По обеим сторонам тропы тянулись чередой оголенные «холмы нимф», а впереди как маяк возвышалась гора Афродиты, напоминающая формой женскую грудь. Ипполита шла быстрым шагом, не оглядываясь на Геракла. Он следовал в полном молчании, любясь легкой и грациозной походкой царицы. Предчувствие небывалых любовных страстей заставляло сердце сильно колотиться, совсем как у юноши на первом любовном свидании.

Пройдя около двадцати стадий¹¹, они подошли к подножью горы Афродиты, склоны которой утопали в густом лесу. И взору Геракла предстал белокаменный дом, который казался небольшим под окружавшими его со всех сторон высокими кипарисами. Это и был храм Артемиды – любимое место уединения и отдыха царицы амазонок. Они поднялись по белокаменной площадке в виде полукруглых, гладких и сверкающих на солнце гладких плит. По краям площадки в огромных мраморных чашах цвели пышные белые розы – символ любви и женской сущности. Сбросив со своих сильных и стройных ног сандалии, Ипполита медленно подошла к нише в стене, где стояла во весь рост бронзовая фигура богини Артемиды. Она остановилась перед статуей, и ее сильное тело, возбужденное долгожданной встречей и ожиданием чувственной любви, на миг замерло в спокойном созерцании. Артемиды, эта девственная охотница, была самым воплощением древнего принципа торжества женского жизнеутверждающего начала над грубым и разрушительным мужским. И всякий раз, всматриваясь в рукотворное изображение покровительницы амазонок, Ипполита черпала в нем силы и доверяла ему свои тайны.

Геракл почтительно остановился в нескольких шагах от этого святилища, не мешая Ипполите оставаться наедине с богиней. У сына Зевса было неоднозначное отношение к богам Олимпа: одни покровительствовали ему, как бог Аполлон или Гефест, другие не признавали его и даже строили козни.

Закончив свое таинство у статуи Артемиды, Ипполита взяла Геракла за руку и провела его во внутреннюю комнату, благоухающую ароматом лесных трав и цветов. Широко открытые ставни окон открывали чудесный вид на обширный сад, где росли диковинные цветы. Усадив гостя на массивное мраморное сиденье, покрытое шкурой льва, царица три раза хлопнула в ладоши. И тотчас же из смежной комнаты появилась высокая девушка с длинными распущенными волосами огненно-рыжего цвета. Серый прозрачный хитон окутывал ее белое, почти не загорелое тело от пояса до щиколоток крепких ног. Горделивую шею девушки украшало спускавшееся на сильную выпуклость груди ожерелье из пестрых зеленых камушков. При виде Геракла она отвесила ему глубокий поклон, сложив в приветствии ладони белых рук. Широко раскрытые небесно-голубые глаза девушки с нескрываемым восхищением смотрели на фигуру великого героя.

– *Малакион* (дружочек), принеси вино и приготовь ужин, – сказала ей Ипполита.

Девушка кивнула головой и неторопливой горделивой походкой удалилась. Во всем ее облике и движениях сквозило невозмутимое спокойствие и собственное достоинство.

– Твоя служанка ведет себя как свободная эллинская женщина, – заметил Геракл.

¹⁰ *Астер эймос* – «звезда моя».

¹¹ Стадия – древнегреческая мера длины, равная 178 м.

– Ула моя помощница и подруга, – ответила Ипполита, – она свободная амазонка, как и все мы. А вы, эллины, разделены на свободных и рабов, находящихся в полной власти своих господ. И чем хуже господа обращаются со своими рабами, тем хуже те становятся, а в ответ звереют сами господа. И ничто не может разорвать этот порочный круг.

А у меня в царстве все девы свободны и могут постоять за свою свободу с оружием в руках против мужчин. Их мы терпим только ради продолжения рода своего, и никто из них не может притязать на власть в нашем племени. Ну а скифские мужчины, которых эллины прозвали варварами, привнесли в нашу кровь воинственность и хладнокровность. Но ты, Алкид, великий герой, равному которому нет! О тебе слагают оды и песни, твоим именем пугают врагов, и в тебе люди видят защитника от вселенского зла. Боги наделили тебя силой и мудростью, ты побеждаешь всех и все на своем пути. Поведай мне, Алкид, как стал ты героем, как сделался непобедимым Гераклом?

Геракл усмехнулся и выпустил руку Ипполиты, онемевшую в его мощной ладони.

– Я стал героем не по доброй воле богов Олимпа, но должен был стать царем Микен вместо Эврисфея.

– Расскажи мне, как это произошло, я хочу знать все о тебе, – промолвила Ипполита с пылающим взглядом.

– По воле небес я стал сыном Зевса и простой эллинки Алкмены, красотой которой прельстился сам Бог-громовержец. Моя мать поведала мне, что когда Зевс узнал о моем зачатии, он на радостях объявил об этом всем богам на Олимпе. И еще провозгласил, что его сын станет царем в Аргосе и обретет власть во всем славном роде Персеидов¹². А Гера, разгневанная тем, что Зевс изменил ей и другая ждет от него ребенка, решила отомстить. С помощью Аты¹³ она взяла с Зевса клятву, что кто первым родится в роду Персеидов, тот и станет царем. И вот, заручившись клятвой Зевса, Гера срочно помчалась на своей колеснице в Аргос. Там она с помощью божественных сил ускорила рождение сына царя Сфенелла из рода Персеидов. Так появился на свет слабый и больной ребенок, нареченный Эврисфеем, который с помощью Геры стал царем. А когда после этого родился я, Гера заключила с Зевсом договор, по которому я, став взрослым, буду служить царю Эврисфею двенадцать лет и исполню, по его желанию, двенадцать подвигов. И только после этого мне обещана свобода и бессмертие.

Гера возненавидела меня с самого рождения. Мать рассказала мне, что Гера наслала в мою колыбель двух змей, которые обвилились вокруг моего тела, пытаясь задушить. Но я проснулся и сам задушил их. После этого меня нарекли Алкидом («сильным»), а прорицатель Теренсий, узнав об этом случае, поведал, что я совершу двенадцать подвигов и обрету бессмертие.

Я поселился в Тиринфе¹⁴, потому что Эврисфей боялся меня и все приказания передавал через своего вестника Конрея. Мне недолго пришлось ждать приказаний царя. И вот он повелел мне расправиться с чудовищным львом, жившим в окрестности города Немии. Я справился с его заданием и принес льва на плечах своих на царский двор. Эврисфей задрожал от одного его вида, а мне придумал второе задание – одолеть Лернейскую гидру. Это чудовище с телом змеи и девятью драконьими головами жило в болоте у города Лерна. Борьба с девятиголовой гидрой была тяжелой: я сбивал палицей одну голову за другой, а они вырастали снова. Но я рассек тело гидры, а в ее ядовитую желчь погрузил свои стрелы – с тех пор раны от них смертельны.

¹² Персеиды – род сына Зевса Персея.

¹³ Ата – богиня обмана.

¹⁴ Тиринф – город к югу от Микен.

С радостью победителя я вернулся в Тиринф, а там вместо отдыха и вознаграждения за мой подвиг меня ждало третье задание – истребить стимфалийских птиц. Эти кровожадные существа охотились возле города Стимфала на людей и животных. Трудно мне было бы справиться с ними, но помогли боги Олимпа. Афина Паллада дала мне большой медный тимпан¹⁵, который выковал Гефест. С этим тимпаном я должен был встать на холме, где обитали птицы, и ударить в него. А когда от оглушительного звона птицы взлетят в небо, разить их стрелами. Так я и сделал, и снова вернулся победителем. А Эврисфей тем временем придумал мне новое задание – еще более сложное. И здесь снова не обошлось без вмешательства Геры, которая решила поссорить нас с Артемидой. У нее была любимая лань, которая обитала в Аркадии и была послана ею в устрашение людям. Эврисфей повелел мне поймать ее и живой доставить ее в Микены. Целый год я гонялся за этой неуловимой ланью, пока не настиг ее в стране гипербореев. Я ранил ее и, взвалив на плечи, понес было в Элладу, но тут передо мной появилась разгневанная Артемида.

– Зачем ты ранил мою любимую лань, Геракл? Разве ты не знаешь, что я не прощаю обиды? Или ты считаешь себя могущественнее богов на Олимпе?

Я ответил прекрасной богине, что никогда не считал себя равным богам на Олимпе, а всего лишь выполняю их волю и не могу ослушаться приказа Эврисфея. Артемида, смилостивившись, простила меня, и я доставил в Микены живую лань.

Недолго мне пришлось отдыхать. В Тиринфе меня ждало новое испытание. На этот раз я должен был расправиться с хищным кабаном, который жил на горе Эриманф и наводил страх на жителей города Псофиса. По дороге я навестил мудрого кентавра Фола, который встретил меня как друга и закатил в мою честь пир. Он открыл огромный сосуд с дивным вином, благоухание которого разнеслось далеко и дошло до остальных кентавров. Это вино было их сокровенным достоянием, и они в страшном гневе напали на нас, застав врасплох, когда мы вдвоем весело пировали. Я едва справился с ними, соскочив с ложа, бросая в них дымящиеся головы, разя ядовитыми стрелами и обращая в бегство. После этого я отправился за кабаном и загнал его в глубокий снег на вершине горы Эриманф, в котором он увяз. Я без труда связал его и отнес в Микены Эврисфее, который при виде кабана чуть не умер от страха.

А оправившись, стал думать, какое бы мне дать поручение, чтобы его невозможно было выполнить. И снова ему на помощь пришла Гера. Они поручили мне отправиться в Элиду¹⁶ к царю Авгию, сыну лучезарного Гелиоса¹⁷, и там очистить от навоза весь скотный двор. Я осмотрел огромный скотный двор Авгия и понял – чтобы выполнить это задание обычным способом, потребуется не меньше месяца. Но боги не оставили меня и осенили правильным решением. И я предложил Авгию очистить скотный двор всего за один день, если он отдаст десятую часть своих стад. Авгий с усмешкой согласился, уверенный, что это невозможно выполнить. А я сделал следующее: сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, а затем отвел в него воду двух рек – Алфея и Пеней. Стремительные воды этих рек в тот же день унесли весь навоз со двора, а я опять сложил разрушенные стены. Я стал требовать обещанной награды, но Авгий отказался, и я ушел ни с чем; но придет время, я вернусь и отомщу Авгию.

А дальше Эврисфей решил послать меня за пределы Эллады на остров Крит, чтобы доставить ему критского быка, который был подарен царю Крита Миносу самим Посейдоном¹⁸. По договору между ними Минос должен был принести этого быка в жертву Посей-

¹⁵ Тимпан – медный колокол.

¹⁶ Элида – область на северо-западе Пелопоннеса.

¹⁷ Гелиос – бог Солнца.

¹⁸ Посейдон – бог морей и океанов.

дону, но царь Крита пожалел прекрасное животное и принес в жертву обычного быка из своего стада. Когда Посейдон узнал об этом, то сильно разгневался и наслал на подаренного быка бешенство. И вот бешеный бык стал носиться по острову, вселяя во всех ужас. Мне удалось заманить его в ловушку и укротить. Я въехал на быке в Микены, снова нагнав страх на Эврисфея. Он побоялся оставить быка в своем стаде и отпустил на волю.

Потом он дал мне новое, восьмое задание – отправиться во Фракию к царю Диомеду, у которого были кони дивной красоты и силы. И никто никогда не мог их похитить, ибо они были прикованы железными цепями в стойлах. Диомед отдавал на растерзание этим коням всех чужеземцев, попавших в его земли. Такая же участь ожидала меня и моих спутников, среди которых был Абдер, сын Гермеса¹⁹.

Нам удалось завладеть конями и увести их на свой корабль, но на берегу нас настиг разъяренный Диомед с многочисленным войском. Я поручил охрану коней Абдеру, а сам с небольшим отрядом воинов вступил в бой с воинами Диомеда и обратил их в бегство. А Диомед пал в битве со мной. Мы вернулись с победой на корабль, но каково же было наше отчаянье, когда мы увидели, что кони растерзали Абдера! Мы устроили ему пышные похороны, насыпали высокий холм на его могиле и основали город, назвав в честь героя Абдерой. А злополучных коней доставили Эврисфею, который не придумал ничего лучшего, как выпустить их на волю. Они умчались в горы, где были растерзаны дикими животными. Такова история моего восьмого подвига.

– А что было дальше? – спросила Ипполита, не отрывая восхищенного взора от героя.

Геракл, сделав глоток вина из кубка, продолжил рассказ:

– А дальше Эврисфей придумал самое невероятное задание – доставить ему в Микены твой пояс. И опять не обошлось без участия в этой затее Геры. Эврисфей был уверен, что посылает меня на войну с амазонками, ведь иначе не добыть твой пояс. Поэтому он снарядил лучший отряд эллинских воинов во главе с героем Тесеем. И еще определил в мою свиту своего мифотворца, чтобы описать войну за пояс между эллинскими воинами и девами-*стиганорами*. Но я не желал войны с тобой и вообще с женщинами – это не в моих правилах, – честно признался Геракл.

– Мойры были благосклонны к тебе и на этот раз, Алкид, – ответила Ипполита. – Тебе не придется отвоевывать мой пояс, ты сам снимешь его с меня. Свой девятый подвиг ты совершишь не с оружием в руках, а на любовном ложе. И от тебя у меня родится дочь, которая станет царицей амазонок. Она будет сильной и мудрой правительницей, ибо от сильных родителей и сильной любви рождаются сильные дети.

– А если у тебя родится мальчик, то что ты с ним сделаешь? – спросил Геракл и, видя удивление Ипполиты, пояснил свою мысль. – У нас в Элладе вас называют *стиганорами*, и в племени вашем нет места мужчинам. А для пополнения своего племени вы вылавливаете здоровых мужчин из соседских варварских племен и предаетесь с ними в течение месяца любви. А когда от этого рождаются девочки, вы их оставляете у себя, вскармливаете молоком скифских кобыл, а мальчиков не оставляете в живых.

– И что еще говорят о нас в Элладе? – сгорая от любопытства, как обычная женщина, спросила Ипполита.

– В Микенах прошла молва, что среди *стиганор* много девственниц, которые дали клятву лучше умереть, чем познать мужчину. И еще укоренилось мнение, что вы одногруды, потому что соблюдаете древний культ богини плодородия Артемиды Эфесской. Этой богине вы преподносите в дар, как символ плодородия, свою отрезанную грудь. Это правда?

Ипполита слушала Геракла, но ее лицо, брызжущее веселостью, вдруг изменилось. Она внезапно скинула с плеч хитон и обнажила верхнюю часть своего медного тела с высо-

¹⁹ Гермес – бог скотоводства и покровитель торговли.

ким и крупным конусом левой груди и недоразвитым, едва набухшим, как у девочки, правым. Никаких следов насильственного удаления правой груди на ее прекрасном, как у Афродиты²⁰, теле не было.

– Верить можно только тому, что видишь собственными глазами, – торжествующе воскликнула Ипполита. – Чтобы стать амазонками, мы с детства применяем совсем иной способ – но это уже наша сокровенная тайна. А когда у нас рождаются мальчики, мы возвращаем их отцам-скифам. Ведь мужчины тоже должны пополнять свой род. Ну а если у меня родится мальчик, то я отдам его тебе, и он станет твоим воплощением. А тебе, Алкид, в таком случае, придется еще раз повторить свой подвиг, пока я не рожу девочку. – Ипполита засмеялась звонким и мелодичным, как звуки арфы, смехом.

Она потянулась со своего ложа к нему, и ее руки, сжимаясь и разжимаясь, стали ласкать волосы Геракла, скользя по его стриженной, как у воина, голове и по могучей, как у критского быка, шее.

– Ведь через год, в этот же месяц, ты вернешься ко мне? Ты не забудешь, Алкид?

– Не забуду, – дрогнувшим голосом промолвил Геракл. – Эргос и логос²¹ едины.

Ипполита благодарно кивнула ему и, взяв его могучую руку, прижала ее к своей горячей и вздымающейся груди.

– Скоро настанет час нашей любви, Алкид. А пока подкрепись, герой, чтобы совершить свой подвиг в играх Эроса.

Она снова засмеялась задорным переливчатым смехом. Затем хлопнула в ладоши и попросила появившуюся на пороге Улу принести ужин. А Геракл молча смотрел на божественную женщину, которая уже завладела его сердцем. Такого с ним раньше никогда не было.

Воспитанный в суровом спартанском духе, Геракл совсем не увлекался женщинами. Его юность прошла в Тиринфе, где, по повелению Аполлона, его готовили к выполнению главной цели – служению царю Эврисфею для совершения великих подвигов. Окружение ограждало юного героя от посторонних глаз, в особенности женских. Соглядатаи следили за каждым его шагом и доносили Аполлону через вестника. А когда в Геракле в шестнадцать лет проснулся мужчина, ему приглянулась русокосая гибкая рабыня из варварских народов, не знавших эллинского языка. Никто не препятствовал его естественному влечению, ибо связь знатного юноши с рабыней считалась обычным делом. Но первый опыт Геракла в играх Эроса не принес ему радости.

Сгорая от бешеной страсти, Геракл чуть не задушил в объятьях покорную рабыню, которая стонала от боли и страха, пока не вырвалась от него. На следующий день ее увезли на продажу на рынок, а Гераклу оставили других послушных исполнительниц его воли. Но и с другими рабынями юноша не испытывал остроты чувств – он мечтал о взаимной всепоглощающей страсти и любви, а ее не было. И забавам Эроса предпочитал гимнастические упражнения, метание копья и диска, охлаждая возникающую страсть долгим плаванием в бурных водах Эгейского моря. А дальше подошло время его служения Эврисфею, время подвигов, а там забылись и его первые неудачные увлечения женщинами. И вот теперь судьба послала ему Ипполиту, божественно красивую и мудрую, которая была рядом с ним на ложе.

Появившаяся в комнате Ула прервала нахлынувшие на Геракла воспоминания. Амазонка несла на своих сильных и мускулистых, как у мужчины, руках огромное медное блюдо с приготовленным ею ужином. От больших кусков жаренного на вертелах мяса исходил сладостный аромат. Ула подала также амфору с острой подливкой из местных растений и люби-

²⁰ Афродита – богиня красоты, олицетворяющая красоту и вечную юность.

²¹ Эргос и логос – действие и слово.

мое блюдо Ипполиты пестионы – ячменные пирожки с медом, запеченные на оливковом масле.

Ипполита кивнула ей, что-то сказав на непонятном варварском языке, и та вернулась с огромным сосудом темно-фиолетового вина. Она разлила его в стоявшие на столе кубки, разбавила вино водой, как это было принято у эллинов, и грациозной походкой удалилась. А Ипполита, войдя в роль хозяйки, стала хлопотать у стола, угощая гостей.

– Отведай, Алкид, пищу настоящих героев. Это мясо дикого кабана, зажаренное на железных прутьях. Его едят, обмакивая куски в огненно-жгучий соус и запивая вином из скифских виноградников. Это придает большую выносливость и уверенность в делах Эроса.

Ипполита медленными глотками потягивала из золотого кубка вино, глядя на разыгравшийся аппетит сына Зевса. Спокойная горделивая осанка делала ее похожей на богиню Артемиду. Только большие, цвета морской волны глаза, искрящиеся безудержным весельем, напоминали глаза афинской гетеры²². Геракл молча осушил большой кубок скифского вина, которое горячим нектаром разлилось по всему его телу. Слова Ипполиты снова пробудили в нем воспоминания о его первом неудачном опыте любовных игр с рабынями в Тиринфе.

– О чем задумался, Алкид? – спросила Ипполита.

– Забавы Эроса давно потеряли для меня былую остроту, – смущенно ответил Геракл. – Боги сделали из меня героя, лишённого чувств и сердца, предназначенного только для свершения подвигов.

– Не огорчайся, сын Зевса, – промолвила Ипполита, глядя на Геракла своим обворожительным взглядом. – Все пройдет, и придет чувство освобождения от всего. Твои сожаления и обиды исчезнут в лунном свете ночи, они растворятся, как соль, брошенная в воду. И сердце у тебя забьется сильно-сильно, ибо в него вольется любовь. И в час любви ты забудешь обо всем – о своих делах и свершениях, в этот счастливый миг любви ты унесешься вдаль к звездам. И тогда я стану твоей.

Все было тихо вокруг, только ветер шелестел за открытыми окнами в розовом саду. Сумерки, незаметно густея, ниспадали легким призрачным покрывалом, окутывая своей эфемерной голубовато-серой тканью убранство жилища и застывших в ожидании двоих людей. Ночь неумолимо вступала в свои права. На темно-сером небе устало чернели отяжелевшие за день тучи. И вдруг из-за одной тучи радостно выглянул полный белый диск луны. И сразу какой-то волшебный, торжествующий над тьмой свет опустился на землю, посеребрив кроны застывших кипарисов и осветив наших героев. Ипполита встала с ложа и, сбросив легкое покрывало, сняла с бедер массивный пояс, закрывавший низ живота.

– Иди ко мне, Алкид, – просто сказала она. – Этот пояс теперь твой. И я твоя.

В эти слова она вложила столько нежности, что Геракл мгновенно поднялся и приблизился к ней, протянув руки. Ее руки нашли руки Геракла, потянули на себя, и ее пылающее тело крепко уперлось в широкую, могучую грудь исполина. Геракл сжал обнаженные плечи амазонки, и ее возвышающаяся левая грудь наполнила его сердце чувственной силой. Он ощутил в себе необычайный любовный пыл, все части его тела напряглись и стали твердыми, как бронза. Он лег на пол, устланный шкурами медведей, и притянул к себе Ипполиту, пока их истомленные тела не соединились. А яркий лунный свет, проникший в этот храм любви, посеребрил все внутреннее убранство и сплетенные в неистовой страсти тела влюбленных.

²² Гетера – незамужняя образованная женщина свободного образа жизни.

* * *

Часы любви перешли у них в дни и ночи, которым они потеряли счет в упоении страсти. Казалось, время текло медленным потоком, неумолимо уходя однако в невозвратимое прошлое. Всему приходит конец. И он наступил на девятый день, когда Геракл безмятежно спал, утомленный играми Эроса и крепким скифским вином. Он проснулся, когда солнце уже было высоко и его лучи золотым сиянием окутали храм. Приподняв отяжелевшую голову, Геракл с удивлением заметил, что он остался один на широком ложе. У его головы лежал каменный пояс Ипполиты, но ее рядом не было. Геракл медленно встал и крикнул, но его зычный призыв остался безответным. Геракл обошел пустые залы храма и вышел на мраморную площадку, где в нише стены покоилась бронзовая статуя Артемиды. Возле нее, как обычно, стояла керамическая амфора с букетом белых роз. Каждая утро Ипполита, по обыкновению, шла к своей покровительнице и ставила свежий букет из только что сорванных роз. В этот раз стояли прежние цветы, поникшие тяжелыми бутонами за ночь. По-видимому, Ипполита вместе с Улой внезапно покинула храм.

Геракл не стал долго раздумывать – он был человеком действия. Он вернулся за поясом Ипполиты, обвязал его вокруг шеи и покинул храм Артемиды. Стремительными шагами он прошел сотню стадий, отделявшую храм Артемиды от Фемискиры. И вот, за поворотом тропинки, огибающей плеяду конусовидных холмов, показалась живописная роща гигантских кипарисов – место встречи амазонок с эллинскими воинами. Но на этот раз перед глазами Геракла предстала грустная картина. На широкой поляне понуро сидели, опустив головы, воины в непривычном для них виде – без шлемов и воинского снаряжения. Здесь же находился Тесей, а рядом с ним амазонка, девушка лет восемнадцати. Она была невысокой, коренастой, с густым пучком ослепительно-рыжих волос, перехваченных на затылке голубой лентой под цвет ее больших, чуть раскосых глаз. Сквозь ткань прозрачного хитона проглядывало удивительное сочетание упругих форм молодого женского тела с угловатостью мальчишки-подростка. Это была Антиопа из свиты Ипполиты. Склонившись над Тесеем, она перевязывала руку афинского героя.

– *Хайре*, Тесей! Что случилось? – воскликнул Геракл.

– *Хайре*, Геракл! Боги наслали на нас беду. Утром, когда мы почивали в роще, утомленные любовью и вином, на нас, сонных, напали амазонки.

– Амазонки?! Что ты говоришь, Тесей? – загрохотал своим зычным голосом Геракл. – Как могли напасть на вас амазонки, с которыми вы предавались играм Эроса?

– Это не наши, эллинские амазонки. И если бы не моя Антиопа, мы все были бы там, среди мертвых, – кивнул Тесей в сторону берега, где лежали штабелями тела погибших товарищей. – Нас атаковали конные амазонки какого-то варварского племени с дикими криками «Улала!»²³. Пусть лучше тебе Антиопа расскажет о том, что произошло.

²³ «Улала!» – древний воинственный клич скифов.

Рис. 5. Скифские амазонки

Геракл повернулся к амазонке, которая спокойно смотрела своими небесно-голубыми глазами в лицо грозному герою.

– Это были амазонки из соседнего с нами сарматского племени, подвластного Ипполите. С дикими воинственными криками они накинулись на нас, готовые растоптать бешеными конями и пронзить копьями.

Рис. 6. Битва с амазонками

Возглавляла их какая-то незнакомка, которая кричала, что эллины явились с коварным умыслом, а Геракл похитил у нас Ипполиту и спрятал ее на корабле, чтобы увезти ее рабыней в Тиринф. Возник страшный переполох. А из Фемискиры на подмогу к ним прискакали наши эллинские амазонки, возглавляемые Меланиппой, Аэллой и Протоей. Не разобравшись, в чем дело, они поверили предводительнице сарматских амазонок и в гнев тоже схватились за оружие. И в этот страшный момент Ипполиты не оказалось на месте – она была с тобой в храме Артемиды. Об этом знала только я одна. И тогда, вскочив на коня, я помчалась за Ипполитой и поведала ей о случившемся. Тебя добудиться было невозможно – ты весь был

во власти Морфея²⁴. И мы поспешили, чтобы остановить кровопролитие. Да не успели – уже возникла битва между амазонками и вашими воинами. Внезапное появление царицы и ее зычный голос остановили враждующие стороны. Все увидели, что Ипполита жива и невредима, и никто ее не похищал. А виновница произошедшего, натравившая амазонок на воинов, попыталась скрыться, но ее поймали и доставили на суд Ипполите. Она призналась, что является жрицей Геры и действует по ее указке. Разгневанные амазонки тут же хотели расправиться с ней – ведь по ее вине погибли многие эллины и наши амазонки, в том числе Аэлла и Протою. Но Ипполита остановила расправу над ней и предоставила решить ее судьбу тебе.

– А где сама Ипполита? – воскликнул Геракл.

– После того как Ипполита успокоила всех амазонок – эллинских и сарматских, она уединилась в дворце в Фемискоре, оплакивая своих любимых подруг Аэлла и Протою. Не ищи ее сейчас, Геракл – она отдала тебе свой пояс, и свою любовь тоже. Тебе надо решить, как поступить с этой жрицей Геры, виновницей учиненного зла.

Антиопа кивнула в сторону воинов, в окружении которых сидела женщина. По приказанию Тесея один из воинов грубо схватил жрицу и подвел ее к Гераклу. Антиопа подошла к женщине и одним рывком сорвала с нее разодранный хитон, та осталась совершенно обнаженной. Ее белое, не тронутое загаром тело отливало холодным молочно-белым цветом, как мраморные статуи Праксителя²⁵. Бюст ее был безупречен и ничем не нарушен, как у амазонок. Женщина, не смущаясь своей наготы, спокойно и выжидающе смотрела на Геракла черными, горящими ненавистью глазами.

– Кто ты и зачем сотворила великое зло, за которое должна ты отправиться в царство Аида²⁶, где предстанешь перед неумолимыми эриниями²⁷? – промолвил Геракл, накаляясь, как закипевший котел, от переполняющего его гнева.

– Я жрица Геры и выполняла ее задание, как ты выполнял задания Эврисфея. Ты мне не судья, Геракл – пусть боги рассудят нас. Я не боюсь ни тебя, ни царства Аида, – жрица спокойно смотрела на Геракла, вызываясь выставив напоказ свое прекрасное и совершенное, как у Афродиты, тело.

Геракл стал задыхаться от гнева, и руки его судорожно схватили висевший на его шее, точно хомут, пояс Ипполиты. И от прикосновения своих горячих ладоней к холодным камешкам он почувствовал освежающую и успокоительную прохладу. Геракл молчал, мысленно возвращаясь в храм Артемиды, к прекрасной Ипполите, отдавшей ему этот пояс.

– Что будешь делать с ней, Геракл? – спросил подошедший к нему Тесей.

– Пусть убирается, откуда пришла, ее накажут боги! – ответил Геракл к удивлению Тесея и его оставшихся в живых воинов.

Но никто возражать сыну Зевса не стал. А Геракл, круто развернувшись, тяжелой походкой направился к берегу моря, где лежали безвинно погибшие воины. Их товарищи уже рубили лес и готовили грандиозный погребальный костер. И делали это спокойно и бесстрастно, как и подобало настоящим эллинам. Ведь в каждом из них было воспитано мудрое и спокойное отношение к смерти, которая для воина была обычной и не представляла ничего ужасного. Хуже смерти для эллина считались трусость и предательство, а еще – увечье, которое могло лишить его возможности оставаться воином. Поэтому Геракл, Тесей и воины спокойно стояли у погребального костра, отдавая светлую и грустную память погиб-

²⁴ Морфей – бог сна и сновидений.

²⁵ Пракситель – известный древнегреческий скульптор.

²⁶ Аид – бог царства душ умерших.

²⁷ Эринии – богини мщения.

шим товарищам. Чуть в стороне от мужчин стояла единственная амазонка Антиопа со скорбным, суровым лицом.

Когда был исполнен последний долг перед павшими и пепел их развеяли в море, пришло время возвращаться на заждавшийся корабль. С него уже подошли лодки с гребцами, и воины постепенно стали покидать берег амазонок. Остались последние – Геракл, Тесей и Антиопа.

– Я возьму Антиопу с собой в Элладу, – решительно заявил Тесей.

– Зачем? – удивился Геракл. – Разве этого хочет сама Антиопа? – и он взглянул на растерянную амазонку, ожидая ее ответа.

– Я свободная амазонка и навсегда должна остаться ею – у нас такая судьба, – промолвила с горестным взглядом та.

– Пусть будет так, как она того хочет, Тесей, – сказал Геракл. – Свободная амазонка никогда не полюбит того, кто взял ее силой.

– А я не согласен, – возразил Тесей. – Она спасла меня, а я спасу ее от варваров и увезу в страну богов, в Элладу – есть в этом высшая справедливость.

– Справедливость? – усмехнулся Геракл. – Мой учитель Аристотель утверждал, что справедливость – это то, что пристало сильнейшему. Право на стороне силы, Тесей. И пусть наш поединок решит, кто из нас прав.

Дело принимало опасный оборот. Тесей был наполовину ниже Геракла, не обладал его исполинской силой, но являлся искусным и опытным бойцом. Эти качества позволили афинскому герою победить чудовище Минотавра на острове Крит и совершить еще немало подвигов. Неизвестно, чем закончился бы поединок двух героев, если бы опять не выручила Антиопа. Маленькая и хрупкая по сравнению с двумя гигантами, она смело встала между ними, решив даже ценой своей жизни остановить их.

– Тесей, не надо этого делать! Боги не простят вам! – воскликнула Антиопа, прижимаясь своим дрожащим телом к раненой груди героя. – Ты вернешься через год, когда я рожу от тебя девочку или мальчика, кого пошлет наша хранительница Артемида. Я буду ждать тебя здесь!

Растроганный Тесей внял ее чувствам и протянул руку Гераклу.

– Мир! – промолвил Тесей.

– Мир! – ответил Геракл, пожимая руку своего помощника. И, взглянув на умиротворенное лицо амазонки, сказал: – Возвращайся к Ипполите и передай ей, что я исполню свое обещание. *Гелиайне*²⁸!

– *Гелиайне*! – ответила амазонка, восторженно глядя на стоявших рядом с ней двух славных героев.

И когда они сели в последнюю лодку, Антиопа еще долго стояла на берегу, глядя им вслед.

* * *

Возвращение из страны амазонок в Элладу было долгим и опасным. Разыгравшаяся на море буря едва не потопила корабль, но судьба все же была милостива к нашему герою. И ему довелось совершить еще один подвиг, не засчитанный Эврисфеем. Когда после бури корабль подошел к Трое и причалил к берегу, то путешественники увидели ужасную картину: у самого берега моря к скале была прикована прекрасная дочь царя Трои Лаомедонта. Гесиону во имя спасения страны принесли в жертву морскому чудовищу, выходившему из

²⁸ *Гелиайне*! соответствует нашему «Будь здоров!»

моря. Никто не мог справиться с этим чудищем, наводившим ужас на жителей Трои и опустошавшим ее окрестности.

Царь Лаомедонт был несказанно рад, увидев в своих владениях великого героя Эллады и его спутников. Он обещал за спасение его дочери дивных по красоте и силе коней, подаренных ему самим Зевсом. Геракл самолично взялся спасти Гесиону. По его распоряжению троянцы насыпали на берегу моря огромный вал, за которым он укрылся, поджидая чудовище. А когда оно вылезло из моря и готово было броситься на несчастную девушку, Геракл выскочил из укрытия и обоюдоострым мечом убил чудище. Так была спасена дочь царя Трои. Но за спасение дочери троянский царь не отдал Гераклу обещанных коней и даже прогнал его. Затаив гнев и обиду, Геракл не стал мстить Лаомедонту – он спешил в Микены, чтобы скорее доставить царю пояс Ипполиты. За весь свой долгий путь Геракл не расставался с ним, он постоянно висел на его могучей шее, навевая самые приятные воспоминания.

Прибыв в Микены, Геракл лично принес трофей в царский дворец. Эврисфей с волнением взял в свои изнеженные пухлые руки тяжелый пояс, и на его заплывшем от жира лице с маленькими поросычьими глазками отобразилось крайнее удивление.

– Это и есть пояс Ипполиты?! – воскликнул изумленный царь. – Мне говорили, что он должен быть золотым, а этот из каких-то морских камешков.

Он посмотрел на стоявшего рядом придворного прорицателя Теренсия, желая услышать его авторитетное мнение. И вещий старец ответил царю:

– Этот волшебный пояс царицы сделан из дивных камней, добытых в Скифии, в Рифее²⁹. Рифейские камни ценятся дороже золота, ибо наделяют своего владельца здоровьем, силой и непобедимостью.

– Это нам и нужно! – воскликнул Эврисфей, довольный ответом прорицателя, и, бросив благодарный взгляд на стоявшего в ожидании Геракла, спросил:

– Как тебе удалось завладеть этим поясом, Геракл?

– Об этом спроси, царь, своего мифотворца Филопатра. Он уже, наверное, состряпал оду о моем подвиге, – ответил с раздражением Геракл.

– Ладно, отправляйся к себе в Тиринф и отдыхай, сколько хочешь, – ты заслужил это, – милостивым тоном произнес царь.

– Я буду отдыхать, когда совершу свой последний подвиг и навсегда уйду от тебя. А теперь я готов к твоему новому заданию, – громовым голосом отчеканил Геракл.

– Да будет так, как ты того хочешь, – промолвил Эврисфей, испугавшись грозного вида героя. – Поезжай в Тиринф, и я пришлю тебе новое задание через вестника Конрея.

Геракл окинул прощальным взглядом пояс Ипполиты, который держал в трясущихся руках Эврисфей, и гулкими шагами вышел из дворца. А Эврисфей позвал свою дочь Адмету, которая была жрицей богини Геры и была наслышана от нее о волшебном поясе царицы амазонок. Адмета давно мечтала завладеть им, чтобы стать здоровой и сильной. И вот наконец-то ее мечта, казалось, сбылась: каменный пояс Ипполиты был в ее руках. Но что делать с ним, как приспособиться к нему? Адмета крутила в руках этот массивный пояс, безуспешно пытаясь приладить его к себе, но у нее ничего не получалось. Пояс был слишком широк и тяжел для ее хрупкой плоской фигуры. И тогда Адмета по совету прорицателя Теренсия положила пояс на столик и ежедневно прикладывала ладони к его холодной и зеленой, как морская вода, поверхности. Она пыталась зарядить свое слабое тело жизненной силой – но ни здоровья, ни силы у дочери Эврисфея не прибавилось. А вот с камешками на поясе происходило что-то неладное: они стали тускнеть, покрываться бурыми пятнами и увядать, подобно цветам, лишенным питательной влаги. Это был тревожный признак, на который обратил внимание все тот же Теренсий. И по его совету Адмета взяла пояс на морскую про-

²⁹ Древнее название Урала.

гулку и с борта корабля бросила злополучный пояс в море. Так волшебный пояс Ипполиты, сделанный руками неизвестного мастера из рифейского камня, нашел свой последний приют на дне Эгейского моря.

А Геракл после совершения своего двенадцатого подвига обрел свободу и ушел от ненавистного царя Эврисфея. Но его уже поджидали новые подвиги и новые беды, которые навлекали на него до конца жизни богини Гера и Эврисфей. Сдержал ли Геракл свое обещание вернуться к Ипполите, так и осталось тайной. Не оставили мифотворцы и упоминания о судьбе прекрасной царицы амазонок, носившей удивительный пояс из рифейского камня...

Первая встреча с амазонским камнем

С амазонскими камнями я познакомился еще в шестидесятые годы на Южном Урале. Тогда мне, молодому специалисту-геологу, удалось осуществить свою мечту и побывать в Ильменских горах, где находится уникальный, единственный в мире минералогический заповедник. Мне посчастливилось, что моим гидом по этому природному музею под открытым небом оказался *Петр Калинович Успенский* – человек совершенно необычный, безумно влюбленный в камни, ставшие главной заботой и целью его жизни. Калиныч, как ласково называли сотрудники заповедника этого пожилого сухощавого человека в круглых очках-пенсне и с бородкой клинышком, водил меня, забыв о времени, по старым копиям, восторженно рассказывая о природных экспонатах. Одна старая копь надолго приковала мое внимание и как бы затмила собой все увиденное мной в заповеднике.

– Это знаменитая амазонитовая копь, – с гордостью произнес Калиныч. – Равной ей нигде нет. Помните, что написал академик *Ферсман* об этой копии: «Я никогда не видел ничего более прекрасного, нигде меня не охватывало такое чувство восхищения перед богатством и красотой природы, как на амазонитовых копиях Ильменских гор. Глаз не мог оторвать от голубых отвалов голубовато-зеленого амазонитового камня».

Я вслушивался в эти прекрасные слова. Нечто подобное, наверное, чувствовал и я, глядя на этот голубовато-зеленый, как морская волна, камень с мелкими вростками белого альбита, напоминающими гребешки волн.

– Ну-с, молодой человек, вижу, это зеленое чудо очаровало вас, как и многих, – произнес довольным тоном Калиныч. – Перед вами один из самых удивительных и таинственных минералов, который преподнес исследователям три так и не решенные до конца загадки: загадку названия, загадку окраски и загадку происхождения. И мы, к сожалению, до сих пор еще мало знаем о нем, и он во многом остается тайной. Вот вы, например, много узнали об этом камне из курса минералогии? Интересно узнать, какова ваша, так сказать, «амазонитовая» эрудиция?

Признаться, в этой части нашего разговора мне пришлось долго выкручиваться, вспоминая все, что я знаю об амазоните – этом экзотическом полевом шпате с редкой зеленой окраской. Калиныч молча выслушал меня, а потом снисходительно улыбнулся. Такая улыбка возникает на лице доброго учителя, которому ученик ответил правильно, по существу, но не более.

– Ну что же, молодой человек, на «пятерочку» вы, пожалуй, и знаете, как студент. А как специалист-геолог должны знать о камне несравненно больше, чем в учебнике минералогии. Да вы не обижайтесь, – добродушно рассмеялся Калиныч и потрепал меня по плечу. – Я многие годы проработал преподавателем на кафедре минералогии Свердловского Горного института и старался дать своим студентам всю полноту знаний о минералах – от названия до применения его в жизни. А теперь перейдем к разговору по существу. Давайте присядем, так будет удобней говорить и слушать, – изрек Калиныч, показывая на отвал зеленого камня у древней копии.

Мы присели, и Калиныч, словно лектор, начал рассказывать.

Откуда взялось название амазонского камня, или Первый рассказ Петра Калиновича Успенского

Укоренилось мнение, что амазонский камень получил свое название от реки Амазонки, где якобы есть месторождения этого камня, – начал свой рассказ Калиныч. – Действительно, первые его находки были совершены именно там. Еще в XVIII веке европейские искатели, проникшие в бассейн дикой реки Амазонки, искали там золото и драгоценные камни. О результатах их поисков мало что известно. Но самое интересное другое: один из участников этой экспедиции привез с Амазонки коллекцию зеленых камней в виде речной гальки. И вот среди этих камешков оказались совершенно разные по составу минералы – нефрит и полевой шпат необычайно красивого зеленого цвета. Именно он и привлек внимание любителей камня. Зеленые камни вообще редки в природе, а зеленый полевой шпат – это диковинка в царстве минералов. Естественно, эта находка вызвала огромный ажиотаж, и зеленый полевой шпат получил свое название – амазонский камень – по месту находки. Конечно, находку гальки этого камня нельзя считать месторождением. До настоящего времени в Амазонии не известно ни одного коренного источника этого диковинного камня. Зато его нашли в другом конце света – у нас на Урале.

А случилось это так. В конце XVIII века горный мастер Раздеришин, проводивший изыскания в Ильменских горах на слюду и драгоценные камни, нашел здесь целые месторождения амазонского камня. И этот камень наряду с другими зелеными самоцветами, изумрудом и малахитом, создал всемирную славу Уралу. Наш ильменский амазонский камень сразу же пошел в дело. Уникальные глыбы были доставлены в Санкт-Петербург, и на Петергофской гранитной фабрике из них изготовили две вазы, украсившие коллекции Эрмитажа. Амазонский камень настолько понравился, что его стали использовать при изготовлении крупных и мелких камнерезных изделий: ваз, столешниц, шкатулок и прочих. Слава об уральском зеленом полевом шпате быстро распространилась по России и за ее пределами. Образцы русского чудо-камня украсили витрины многих музеев Европы. И после замечательного открытия на Урале, как это ни стыдно, за зеленым шпатом окончательно укрепилось название «амазонский камень». А затем известный немецкий минералог *Брейтгаупт* предложил сокращенный вариант названия этого минерала – «амазонит». Это название и поныне бытует в минералогии. Такова вкратце официальная история открытия и крещения нашего чудо-минерала.

– А подтвердились ли находки амазонита на реке Амазонке? – задал я вопрос Калинычу.

– В наше время многие специалисты, побывавшие в бассейне Амазонки, не обнаружили ни одного источника этого камня. Более того, не подтвердились даже находки амазонита в виде гальки в русловых отложениях реки. В итоге многие усомнились в подлинности имени и первого местонахождения этого камня. Сейчас мы стоим на пороге открытия подлинной истории амазонского камня, и она не связана с рекой Амазонкой. Вот первый исторический факт: после захвата Наполеоном Египта во Францию хлынули разграбленные сокровища фараонов – разнообразные украшения из драгоценных камней. Здесь были изумруд и малахит, лазурит и бирюза, хризолит и многие другие самоцветы, известные с древности. И вот среди этой плеяды знаменитых камней оказался уже знакомый нам амазонский камень. Это была сенсация, которая поставила ученых в тупик! Выходит, зеленый полевой шпат, прародителями которого считались река Амазонка либо Урал, уже был известен в Древнем Египте. Более того, исследователи установили и месторождения зеленого полевого шпата в виде сохранившихся древних копей на территории соседней с Египтом Эфиопии. И здесь напрашивается вопрос: если наш камень был известен древним египтянам и находил приме-

нение, то, очевидно, имел какое-то свое название, иначе не могло быть. Но какое же название он носил в древности?! Ответа на это мы не получили ни в трудах знаменитого ученого древности Плиния Старшего, ни в сочинениях выдающегося минералога средневековья Ал-Бируни. А ведь этот самоцвет добывался более трех тысяч лет назад египтянами в дебрях Африки. Это сенсация, подтверждаемая неоспоримыми фактами.

Здесь Калиныч сделал минутную паузу, словно собираясь с мыслями, и наконец выдохнул из себя, наверное, главную мысль нашей беседы.

– А ведь есть еще, пожалуй, самое сенсационное открытие, связанное с амазонским камнем, – произнес Калиныч с загадочным видом. – Да-с, молодой человек, не только в дебрях Африки, но и у нас на Урале за тысячу лет тому назад уже был известен амазонский камень. Я собрал за несколько лет удивительные исторические факты, ну прямо целая романтическая история, связанная с амазонками. Знаете что-либо о них?

Я честно признался, что знаю немного о мифах Древней Греции, но рад был бы узнать больше.

– Ну и ладушки, – добродушно промолвил Калиныч. – Э, да мы с вами заболтались. Не пора ли, как говорится, устроить большую перемену и сходить попить чайку? Приглашаю вас к себе домой – там и продолжим нашу беседу.

Я не заставил себя уговаривать и с радостью принял приглашение этого доброжелательного и всезнающего человека. Минувя многочисленные копи на территории заповедника, мы подошли к двухэтажному деревянному зданию. В нем работали в то время немногочисленные сотрудники заповедника, и среди них самая яркая и удивительная фигура – Петр Калинович Успенский.

О легендарных амазонках и их загадочном камне, или Второй рассказ Петра Калиновича Успенского

– Так вот! – возобновил свой рассказ Калиныч после чаепития. – Мы остановились на том, что история нашего камня своими корнями уходит в глубокую древность. Забудем на время о реке Амазонке, о египетских копиях в Древней Африке и обратимся к Древней Греции и свидетельствам древней истории. Итак, кто же такие амазонки? Многочисленные рассказы о сражениях с племенами воинственных женщин есть не только в древнегреческой истории, но и в древнеегипетской, и даже древнекитайской. Однако больше всего внимания уделили этим воинственным женщинам древние греки, назвав их «амазонками». Это название дано не случайно, ибо оно в переводе с древнегреческого означает «безгрудые», от греческого *a-mazos, mazos* – «грудь», *a* – отрицание.

Объяснение этому странному явлению приводится у многих древних авторов. Так, например, историк *Курций Руф* объясняет это тем, что амазонки сызмальства выжигали правую грудь, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копье. У знаменитого историка *Геродота* другое объяснение: оно связано с возникновением древнего культа богини плодородия Артемиды Эфесской. Этой богине якобы и приносили женщины в дар свою отрезанную правую грудь в качестве символа плодородия. Сей факт нашел свое отражение в многогрудом изображении богини плодородия. Сами же амазонки запечатлены на многочисленных греческих вазах конными и пешими, вооруженные луками, копьями и двухлезвийными топорами – секирами. Они носили башлыкообразные головные уборы восточного типа, являвшиеся ритуальной принадлежностью жриц храма Артемиды Эфесской. Первоначально место обитания амазонок простиралось от Черного до Средиземного морей, а затем расширилось далеко на Север, до Рифея (как греки называли Урал), где обитали скифы. Согласно Геродоту, амазонки жили в дружбе со скифами и постепенно смешались с ними. Так возник народ савроматов, где пришлые амазонки были равноправны с мужчинами. О местных скифских женщинах пришлые амазонки отзывались, по свидетельству Геродота, так: «Мы с вашими женщинами жить не можем, ибо у нас не одинаковые с ними обычаи. Мы занимаемся луками, стрелами, лошадьми, а женским работам не учились. У вас же ничего сказанного нами женщины не делают, а делают работы женские, сидя в своих повозках». Все античные авторы отмечают исключительную воинственность и хладнокровие амазонок, которые превосходили воинов-мужчин. Согласно историческим данным, амазонки пять раз подступали к стенам Афин. Греки с большим трудом отстояли свой город, но разгромить амазонок не смогли. В последней жестокой схватке амазонки и греки сошлись во времена знаменитой Троянской войны, о которой нам поведал *Гомер* в бессмертной поэме «Илиада». Под Троей амазонки были окончательно разбиты греками. Уцелевшие амазонки скрылись в дебрях Скифии и горах Северного Кавказа.

Еще удивительнее был образ жизни этих воинственных дев. Ведь в их племенах якобы не было места мужчинам. Откуда же тогда брались дети? Античные авторы поломали голову и над этой тайной воинственных дев, которых в Греции окрестили *стиганорами* – «мужененавистницами». И вот, оказалось, что для пополнения своего племени они раз в год впадали в первородный грех. Забыв про всю воинственность и почувствовав в себе женщин, амазонки отправлялись на охоту за мужчинами из соседних скифских племен. «Наловив» себе крепких, пышущих здоровьем мужчин, они два месяца гуляли и предавались любви с ними. Если впоследствии рождались мальчики, то в лучшем случае их отдавали отцам-скифам. Ну а девочки были для них желанными детьми, которых вскармливали молоком кобылицы и готовили к роли полноценных амазонок. Этот обычай касался не только рядовых амазонок,

но и представительниц знати и даже цариц – сия элита выбирала себе партнеров из числа вождей, героев и полководцев.

Любопытный случай из жизни великого полководца привел римский писатель *Курций Руф*, автор «Истории Александра Македонского». Когда знаменитый полководец, завоевавший к тому времени полмира, стоял со своим войском на южном берегу Каспийского моря, к нему в гости явились амазонки – целый отряд вооруженных дев во главе с царицей по имени Фалестрис. Она правила всеми племенами амазонок, жившими на берегах Черного моря, между Кавказом и рекой Фазис. Как пишет историк, облик царицы не подходил ее сану и удивил полководца. На ней была короткая юбка, завязанная над коленями узлом, левая половина груди была обнажена, а в руках она держала легонький щит в виде полумесяца. Представ перед Александром Македонским, царица бесстыдно смерила его взглядом и произнесла: «Как же он мал и тощ!», ибо у скифов уважались высокие и внушительные мужчины. Александр был удивлен визитом новоявленных амазонок, но пришел в еще больше удивление от просьбы, с которой царица обратилась к нему лично. Просьба была ее весьма необычна и пикантна: царица Фалестрис пожелала зачать от прославленного героя дочь, которая станет ее преемницей. А преемнице надлежит быть только лучших царских кровей. Сраженный таким предложением, полководец ответил согласием. Две недели на берегах Каспия длилось любовное празднество, в котором участвовали все триста амазонок и отборные македонские воины. А затем Фалестрис, простившись навеки с Александром, отправилась со своим отрядом в свое царство. Ну а Александр продолжил свой завоевательный путь в Парфию. Вот такой поразительный случай произошел в 330 году до н. э.

Рис. 7. Изображение Александра Македонского

Многие греческие историки, такие как *Геродот*, *Диодор Сицилийский*, *Страбон*, размышляли о происхождении амазонок, описывали их образ жизни и походы. Гомер на стра-

ницах «Илиады» описывает могущественные орды амазонок, защищавших Трою от греков. А сколько легенд и мифов посвящено амазонкам, но они противоречат друг другу и в них трудно сыскать истину. Взять хотя бы миф о девятом подвиге любимого греческого героя Геракла, с которым мы познакомились еще на школьной скамье. В нем повествуется о том, как Геракл по поручению греческого царя Эврисфея отправился в царство амазонок, чтобы добыть золотой пояс царицы Ипполиты. Каким путем Геракл добыл этот пояс, у мифотворцев мнения разошлись: одни посчитали, что он отвоевал его у царицы и вместе с нею прибыл в Афины, другие – что выкупил его за плененную им соратницу царицы. На мой взгляд, произошло все так, как и в случае с Александром Македонским. И в основе мифа лежит действительная романтическая история – Геракл и царица Ипполита реально существовали. Что касается утверждения, что пояс был золотым, то это неверно. Историк *Аполлоний Родосский*, живший в 200-х годах до н. э., описывая встречу Геракла с Ипполитой, поведал нам, что она приняла героя с любовью и сама вручила ему пестроцветный пояс из рифейского камня. Пестроцветный рифейский камень! А? Вот ключ к разгадке амазонского камня, – произнес торжествующим голосом Калиныч. – Рифеем древние греки называли наш Урал на территории дикой Скифии. Ну а амазонский камень действительно выглядит пестроцветным за счет белых вrostков альбита на зеленом фоне. Так что пояс Ипполиты наверняка был сделан из амазонского камня, взятого здесь, из Ильменских копей. Этот камень пользовался особым почитанием у амазонок. Какие доказательства? Рассеять туман всех предположений и сомнений может такая точная наука, как археология. И вот наши советские археологи сделали сенсационное открытие: на побережье Черного моря, то есть в области расселения амазонок, во время раскопок было обнаружено захоронение, принадлежащее женщине в доспехах и вооружении, включая двойной топор и мелкие украшения из зеленого камня – амазонита. Кто она была? Возможно, царица амазонок. Подобные женские украшения были обнаружены во многих местах на Украине, в Казахстане и вблизи Каспийского моря. И среди сохранившихся предметов захоронения находили все тот же пестроцветный рифейский камень – амазонит.

С какой целью его применяли амазонки? Только ли как украшения? У Геродота есть интересное описание скифских амазонок, которые, по его мнению, произошли от скифских юношей – савроматов и прибывших из Малой Азии на кораблях амазонок. Так же, как и их прародительницы, скифские амазонки жили обособленно от мужчин, сходясь с ними для короткого сожительства и воспроизведения рода. Скифские амазонки сохранили традицию удаления одной (правой) груди. Только делали это не таким варварским путем, как амазонки из Малой Азии – с детства натирали правую грудь порошком из рифейского камня, который якобы задерживал рост. Это, конечно, интересная легенда, но она заставляет задуматься о необычайных, еще недостаточно изученных свойствах амазонского камня. Кстати, любопытная вещь: один мой знакомый врач по фамилии Волчек очень заинтересовался амазонским камнем, когда я рассказал ему эту легенду. По его мнению, в минеральном царстве должны содержаться элементы, задерживающие рост, такие как рубидий. Еще Вернадский обратил внимание на очень высокое содержание рубидия – свыше 3 % в нашем ильменском амазоните.

– И что же, ваш доктор решил провести эксперимент? – изумился я.

– О нет! – улыбнулся Калиныч. – Женскую красоту, данную природой, нельзя портить. Он пытается создать на основе этого камня лечебный препарат для замедления роста доброкачественных и злокачественных опухолей. Как знать, может, амазонский камень преподнесет сюрприз и в нетрадиционной медицине. Вот и все, что я хотел сказать вам о камне, который по праву надо назвать амазонским – в честь легендарных женщин-воительниц.

Я, потрясенный всем услышанным, стал благодарить Калиныча и с сожалением прощаться. Тот, видимо, почувствовав мое состояние, промолвил:

– А вы не хотели бы денек задержаться у нас, чтобы осмотреть все амазонитовые копи? Можете переночевать у нас – спальный мешок найдется, а вы, геолог, должны быть привычны ко всему.

Я с нескрываемой радостью принял приглашение. Устроившись на ночлег в отдельной комнате, я долго ворочался, вспоминая заинтриговавшие меня рассказы Калиныча. А когда я наконец заснул, мне приснился удивительный сон: будто бы сижу я рядом с копью и держу в руках огромный кусок амазонского камня. А вокруг стоят негодующие девы с обнаженной грудью, готовые пронзить меня копьями. Вероятно, они решили наказать меня за то, что я без разрешения взял их камень. От страха я выронил амазонит из рук и тут же проснулся. Яркие лучи утреннего солнца проникали через открытое настежь окно комнаты, где прошла моя ночевка. На душе было светло и радостно в предчувствии новых неизгладимых впечатлений в Ильменском заповеднике.

Там, где амазонки добывали свой камень

– Ну как спалось вам в нашем заповедном месте? – спросил меня утром Калиныч. – Какие сны навеял на вас Морфей?

– Спасибо, хорошо, – ответил я, – вот только сон мне Морфей навеял страшный, от которого я аж проснулся под утро.

И я рассказал Калинычу о том, что мне приснилось. Он весело рассмеялся, а затем, пригладив бородку клинышком, уже серьезно промолвил:

– Сон у вас, молодой человек, действительно необыкновенный, можно сказать, вещий. Да-с! Стало быть, глубоко вошла в ваше сознание моя информация об амазонках. И это хорошо, ибо подвигнет вас дальше к познанию и серьезному изучению этого самого удивительного камня.

Мы беседовали в кабинете Петра Калиновича, уставленном полками с камнями и геологическими картами. Только небольшой столик с электроплиткой и стоящим на ней медным чайником, кружки и нехитрая снедь скрашивали суровую деловую обстановку. В ожидании чаепития словоохотливый Калиныч продолжал и дальше посвящать меня в тайны амазонского камня.

– То, что в Ильменах существовали древнейшие копи с амазонским камнем, – это факт. Еще в XVIII веке первопроходцы вроде Ивана Раздеришина и других нашли эти копи и назвали их «чудскими». В старые времена все древнейшие копи называли так, от слова «чудь», означающего какой-то неизвестный «чуждой» народ. Ну а сейчас мы должны восстановить справедливость. Я бы назвал их «копиями скифских амазонок».

– А сохранились ли до настоящего времени эти древние копи? – спросил я.

– К сожалению, установить точно место, откуда брали свой камень амазонки, весьма затруднительно, – ответил Калиныч. – За двести лет уральские горщики в поисках самоцветного камня накопили сотни ям-копей. За долгие годы хищнической добычи старатели дочиста выбрали знаменитые топазы из прутковской копи, бериллы, фенакиты и лучшие амазонские камни. Только в 1920 году был положен конец этому беспределу, и замечательная уральская кладовая была превращена в Ильменский заповедник. Здесь, на небольшой площади в 150 квадратных километров, обнаружено 144 минерала – от самых простых до редчайших и сложных по своему составу. Источниками всех драгоценных камней в Ильменах являются пегматитовые жилы – их геологи разделяют на несколько типов. Но нас интересуют амазонитовые пегматитовые жилы. В настоящее время насчитывается 65 копей, заложенных на жилах амазонитов. Вот, взгляните на схему расположения копей в заповеднике – жилы с амазонитом показаны на карте квадратами.

Петр Калинович, взяв в руки линейку, стал показывать на карте эти самые копи.

– Вот видите – большая часть амазонитовых копей располагается между озерами Ильменским и Аргаяш вблизи железной дороги. Здесь находятся знаменитые копи Стрижова, известные еще с 1843 года, содержащие превосходный амазонит, а с ним в компании драгоценные камни топаз, берилл, аквамарин. Правда, этих камней вы уже не сыщете – давно все выбрано, но в отвалах можно найти яркий и сочный амазонит.

Здесь же можно встретить «письменный амазонит», который Ферсман окрестил «еврейским камнем».

Рис. 8. Ильменские горы на Южном Урале (по Д. С. Белянкину, 1915 г.)

В нем ростки дымчатого кварца образуют красивую письменную структуру, напоминающую древнееврейские письмена. В некоторых копиях, например, блюмовской, амазонский камень переходит в розово-красный полевой шпат – микроклин и образует вместе с кварцем красивую породу, которую в Ильменах окрестили ситцевой.

А в некоторых амазонитах можно встретить удивительный оптический эффект – красивый перламутровый отблеск из-за наличия тонких ориентированных вростков (пертитов) белого альбита. Такую разновидность амазонита российский минералог *Герман*, открывший ее в 1792 году, окрестил зеленым лунным камнем и рекомендовал использовать для ювелирных изделий. И с этим камнем вдруг произошла любопытнейшая история – его стали использовать для лечения падучей болезни или, выражаясь современным языком, эпилепсии. Да-с! Минералог *Х. Фишер*, описывая историю изучения амазонского камня, цитировал выдержки из старой диссертации некоего Шредера, отмечавшего, что в России в XVIII веке пользовались этим камнем для лечения эпилепсии. Это еще одна загадка амазонского камня.

А разве не загадка – происхождение его необыкновенной окраски? Вы здесь, в копиях, нигде не встретите одинаковой окраски – она варьируется от зеленовато-голубого и голубовато-бирюзового и переходит в яблочно-зеленый, травянисто-зеленый и изумрудно-зеленый, как у драгоценного камня. Нежность и разнообразие тонов амазонского камня в Ильменах по праву составили ему всемирную славу.

Зеленая окраска полевого шпата, минерала, широко распространенного в природе, – явление уникальное. Чем она вызвана? Многие исследователи в разное время пытались разгадать природу зеленой окраски амазонского камня. Вначале ее связывали с примесью меди – по аналогии со сходными по цвету малахитом и бирюзой. А после того как обнаружилась способность амазонита обесцвечиваться при нагревании до температуры 300–500 °С, окраску его стали объяснять примесью органического вещества. Это вещество якобы постоянно присутствует в амазонском камне и выгорает при его нагревании. Однако дальнейшие эксперименты с амазонским камнем показали всю несостоятельность первоначальных гипотез. Уже в наши времена амазонитовую окраску получили искусственным путем при длительном облучении полевого шпата (микроклина) рентгеновскими и радиоактивными лучами. Но, как оказалось, одного облучения недостаточно, чтобы вызвать окраску.

Было установлено, что зеленая окраска присуща полевым шпатам с повышенным содержанием редких элементов-примесей. А значит, основную причину окраски надо искать в примесях, создающих в кристаллической структуре минерала нарушения или, как говорят минералоги, структурные дефекты. Они выполняют роль поглощающих центров, задерживающих красные, оранжевые и фиолетовые лучи, отчего минерал становится сине-зеленым. Сама по себе примесь не оказывает активного влияния на структуру минерала – ее необхо-

димо «возбудить», дать импульс, что достигается облучением. Что же это за примесь? Одни называют свинец, другие – двухвалентное железо, а третьи – комплекс разных примесей. Мне кажется, что эта загадочная примесь принадлежит редкому элементу рубидию. Как я уже говорил, еще академик *Вернадский* в 1913 году установил, что в некоторых образцах ильменского амазонита присутствует высокое, более 3 %, содержание элемента рубидия. Как выглядят эти образцы? У них характерная яркая синевато-зеленая окраска. Такой амазонский камень встречается в южной части Ильменских копей, примыкающих к железной дороге. Это так называемые копи Стрижова и любимая Ферсманом Блюмовская копь – они указаны на карте. Может, из этих копей и добывали свой камень скифские амазонки, – неожиданно перевел разговор на другую тему Калиныч, глядя на меня с лукавой улыбкой. – Походите, обследуйте эти копи, можете отобрать образцы – кусочки амазонского камня для химического анализа – возможно, потом поделитесь результатом. Ну а у меня сегодня, извините, занятой день – буду водить по заповеднику делегацию из братской Болгарии. Так что давайте попьем чайку и перекусим, чем бог послал, и за дело. У вас есть ко мне вопросы?

– Только один, если позволите, Петр Калинович.

– Слушаю вас, молодой человек.

– Вы говорили, ссылаясь на древнего историка, что пояс Ипполиты был из пестроцветного зеленого камня? Так?

– Да, именно. По свидетельству Аполлония Родосского, это был наш уральский амазонский камень. А что у вас вызывает сомнения?

– Пестроцветность. Амазонский камень не яшма, откуда у него может быть пестроцветный рисунок? – возразил я.

– Это ошибочное представление, – ответил Калиныч. – Только на первый взгляд амазонит кажется однородным сине-зеленым или зеленым. А на самом деле одной из характерных особенностей его структуры и является неоднородность или, иначе, пестроцветность. Это подметили еще древние – им не откажешь в наблюдательности. Неоднородность связана с присутствием в зеленом полевым шпате-микроклине вростков белого альбита – их называют **пертитам**. Эти пертитовые вростки имеют пластинчатую форму и размеры от 1–2 до 20 мм, а содержание их колеблется от 10 до 45 %. Вростки имеют различный рисунок: точечный, пятнистый, струйчатый, клиновидный – всех не перечислишь. Альбитовые вростки прорастают все цветовые разновидности амазонского камня – как рыбки в морской воде, это выражение даже вошло в лексикон сотрудников Ильменского заповедника. Так что ищите эти «рыбки» в прекрасном амазонском камне из отвалов копей Стрижова под номерами 50–55 на карте. Там еще до революции уральские старатели добывали бериллы, аквамарины и хороший амазонит для поделок. Желаю вам удачи!

Я тепло поблагодарил Петра Калиновича за внимание и после чаепития, захватив походный геологический рюкзак с необходимым снаряжением, с радостью и легкой грустью покинул Ильменский заповедник. Памятуя советы Калиныча, я отправился на восток от станции Миасс на пологий склон Косой горы, где на схеме были обозначены копи. В моем представлении под заветным словом «копь» следовало понимать открытую горную выработку типа карьера, где работали десятки горнорабочих. Но здесь меня ждало разочарование: на Косой горе я увидел редкий лесок, болотце, равнину, сплошь состоящую из ям, шурфов и конушек. Кое-где возле ям, задернованных или заросших редким лесом, виднелись отвалы с амазонитом. Они-то и привлекли мое внимание, и я с увлечением, забыв обо всем, стал копаться в каждом отвале, выбирая интересующие меня кусочки амазонского камня. Он был действительно разнообразен даже в одной и той же копии, отличаясь по цвету и рисунку. Я задался целью найти самый голубой, синеватый камень, где следовало ожидать самое высокое содержание этого загадочного элемента – рубидия. А потом уже выбирал

образцы, где вrostки альбита были четкими и крупными, как на воображаемом мною поясе Ипполиты.

Поначалу мне не везло. Обойдя несколько ям-копей, я не нашел того, что задумал. «Где же он, этот заветный камень? Как до него дознаться?» – думал я, сидя на пушистом отвале одной из копей. Солнце ласково светило над головой, вокруг была тишь и благодать, а рядом в ложине журчал тоненький ручеек. И тут меня осенило: достал из рюкзака походный котелок и наполнил его чистой водой из ручейка. А затем, разведя костер, стал готовиться к чаепитию, вынув из рюкзака колотый сахар, пачку черного чая и галеты. И вот тут-то передо мной неожиданно-негаданно возникла фигура бородатого пожилого человека с охотничьим ружьем. Из-под козырька надвинутой на лоб фуражки на меня грозно смотрели черные цыгановатые глаза.

– Кто таков и пошто здесь копаешь? Здесь государственный заповедник, в котором запрещено брать камни, а тем паче разводить костер! – выпалил залпом человек с ружьем.

– А кто вы такой? – удивился я.

– Я есть сторож-охранник, – со спокойным достоинством ответил тот. – А посему должен вас задержать как нарушителя и доставить до нашего начальства.

– Успокойтесь, уважаемый! Я не нарушитель, а командированный и нахожусь здесь с разрешения Петра Калиновича Успенского. Ну а за костер извините, захотелось попить чайку на природе. Ведь я геолог все же.

Я достал свое командировочное удостоверение и показал его, чем успокоил этого ревностного служителя закона. Мы сели рядышком возле радостно трещащего среди лесного безмолвия костра и стали пить чай, пахнущий дымком. А он согрел не только тело, но и душу. И мы постепенно разговорились. Василий Фомич Ческидов – так звали моего нового знакомого – оказался весьма интересным человеком.

– Ческидовы – известная на Урале фамилия, целое село носило ее. Мой отец и дед «хитой» промышляли. Знаешь, что такое хита? Хита есть вольный каменный промысел. А потому всех искателей самоцветных камней у нас на Урале хитниками обзывали. Мой отец, Фома Матвеич, самым фартовым хитником был в Ильменах и меня к этому промыслу приспособил, когда я подрос. Да, ему фарт всегда сопутствовал, он чувствовал камень нутром, указывая, где копать яму. Бывало, идешь с ним по лесу, а он всматривается, какие деревья растут, какая хвоя у них. По цвету хвои мог определить, есть ли в этой земле самоцветные камни или нет. А коли цвет хвои ему нравился, то брал топор, подрубал корни, хватал дерево и выворачивал. А там, не поверишь, под выворотнем самоцветы лежат...

Отец хорошо жил до революции. Камень добытый сбывал скупщикам из Екатеринбурга, избу большую срубил из лиственницы. Но чаще в запой уходил – бывало, неделями глушил спиртное, а потом снова возвращался к любимому делу, к камню. Да, батя мой немало накопил копеек здесь, в Ильменах – находил топазы, бериллы, амазониты; да всего не перечислишь. Только вся наша хита, вся вольница кончилась при советской власти в 1920 году. Объявили Ильмены заповедником, чтобы сохранить, дескать, богатства для народа. Ну а мы с отцом перебрались в Екатеринбург, оттуда в Мурзинку, где еще работали старательские артели. Из Мурзинки по всему миру шли голубые «тяжеловесы»³⁰, аметисты, бериллы и многое другое. Местные хитники говорили: «Все в Мурзинке есть, а чего нет, до того, значит, еще не дорылись!» А батя мой и на новом месте не потерял фарт свой – до многих камней добрался. Только мало выручали его темные аметисты с Тольяна или «тяжеловесы» – все это были случайные деньги. Хитникам не помогал никто, наоборот, власти боролись с ними, и наш промысел постепенно умирал.

³⁰ «Тяжеловесы» – старательское название топаза.

А тут и беда к нам пришла. Фома Матвееч, батя мой, имел неумную страсть к камням. Ему ишло от деда достался маленький сундучок с разными самоцветными камнями, который он всегда возил с собой. Он любовно перебирал эти камешки – густые темно-фиолетовые аметисты, голубые топазы, изумруды, завернутые в тряпочку, и иногда показывал свое богатство гостям. Но он их никому не продавал, любил их особой любовью и не поддавался на предложения продать хотя бы один камешек. Это была его родовая, как сейчас говорят, коллекция. Вот она и сгубила его. Кто-то по злобе и зависти сообщил властям, что у него, дескать, имеются краденые драгоценные камни в огромном сундуке. Пришли сыскари из органов, забрали сундучок с камнями и моего отца. Это случилось незадолго до войны, и отца своего я больше не увидел.

Василий Фомич замолчал, вынул из кармана кисет с табаком, свернул из газетного листа самодельную папиросу – «козью ножку» – и закурил.

– Ну а я, видать, не в камень уродился, – продолжил разговор Василий Фомич. – Моя планида охотствовать, лесничать – этим я занимался долгие годы. А теперича вот на склоне лет вернулся в родные места благодаря Петру Калинычу – он обустроил мою жизнь. Он человек особенный во всех смыслах. Камень любит и знает и истории всякие рассказывает – заслушаешься. Вот намерен я своими ушами слышал одну чудную историю, которую он сказывал у одной из копей гостям из Миасса. Будто бы в далекие времена жили у нас племена, где вся власть принадлежала бабам. Они с оружием защищали свое племя от врагов, охотились, добывали пищу, а мужики ихние сидели дома, присматривали за детьми и хозяйствовали, да ишло наравне с животными носили тяжести. А баб этих ученые прозвали амазонками, потому как были безгрудыми, плоскими, как мужики. Но самое интересное, что они сызмальства натирали свои груди истертым порошком из нашего камня, и будто бы он замедлял рост того, что является гордостью каждой нормальной бабы. Отсюда и камень стал называться амазонским в честь этих чудо-баб. Вот какую сказку поведал Калиныч!

– Я слышал от него эту историю и отношусь к ней серьезно, – вставил я свое слово. – Его знакомый врач даже решил проверить эту легенду, поставив опыты.

– Неужто на девках? Кто же это позволит? – встрепнулся Василий Фомич.

– О, нет! Врач решил проверить действие камня в замедлении роста разных опухолей. А опыты, конечно, проведет на зверьках – мышках, крысах. Дело в том, что в амазонском камне содержится высокое количество элемента рубидия, который якобы замедляет рост клеток. Особенно его много в голубых амазонитах. Вот я и ищу его здесь, чтобы отобрать несколько кусочков для химического анализа. Вот тогда мы, может, доберемся до тайны – откуда брали свой камень амазонки.

– Во-он оно что! – изумился Василий Фомич. – Дело серьезное! Ради него я открою тебе свою заветную копь, неведомую никому. Гаси костер, собирайся и айда за мной.

Через несколько минут я уже шагал за своим новым гидом по лесистому пологому склону Косой горы. Пройдя несколько сотен метров среди густого леса, мы наткнулись на обширную яму с поваленными деревьями и старыми отвалами, проросшими почвами. Зрелище было не из приятных, но у Василия Фомича на лице заиграла счастливая улыбка, как при встрече давнего друга.

– Во-от она, наша копь – Ческидовская! – торжествующим голосом провозгласил он. – Здесь дед мой начинал робить, потом отец, и я ишло ему подсоблял. Каких только камешков из этой копи не добывали! Золотистые «тяжеловесы», желто-зеленые, как весенняя трава, бериллы, голубые аквамарины. Самые лучшие амазонские камни любого цвета тоже были здесь. Им равных нет – так сказал ученый Ферсман, который побывал у нас ишло до Первой мировой. Отец водил его по копиям, показывал, где что лежит. Ученый тогда закупил у отца многие камни для своего музея. Щедрый и снисходительный с простым народом человек был – сейчас таких не сыщешь. А потом, в двадцатых годах, все копи позакрывали и нас

отсюда поперли – музей-заповедник сделали. И мы с отцом эту копь, как говорится, закопали до лучших времен. Может, снова когда-нибудь оживет горный промысел и камни будут снова радовать людей, а не лежать в закрытых ямах. А энта наша копь еще далеко не вырыта – многое из нее можно будет взять. Эхма! – горестно закончил свою речь над похороненной копью Василий Фомич.

И я понял, что ему, прирожденному горщику, далеко не безразлична судьба заброшенных ильменских копей с сокрытыми в них драгоценными камнями.

– Ну да ладно, парень! Перейдем от слов к делу, – произнес Василий Фомич. – Я приоткрою тебе нашу копь, коли это надо для науки.

И пожилой старатель, покрутившись возле копи, отыскал спрятанный им необходимый инструмент горщика – лопату и кайло. Мы очистили копь от завалов; затем, присев на поваленное дерево, Василий Фомич скрутил «козью ножку» и, закулив, хитро подмигнул мне.

– Камень сам в руки не дастся, парень! Его сыскать надо, нутром почуять, где он должен быть. Вот и поглядим, какой ты геолог, сыскатель есть. Ищи свой камень.

После этого мне ничего не оставалось, как взять в руки лопату и кайло. Не хотелось мне, молодому геологу, выглядеть неопытным новичком в глазах уральского горщика. Да и азарт «сыскателя» придавал мне силы. Через какое-то время, работая кайлом и лопатой, я сумел в борту копи вскрыть краешек амазонитовой жилы. Яркая голубизна камня с пестрым таинственным рисунком просто ошеломила меня. Бросив инструмент, я благоговейно склонился над обнаженной поверхностью амазонитовой жилы. Взглянув на сидящего Василия Фомича, я увидел его просветлевшее, внутренне загоревшееся лицо. Старый горщик был рад, открыв мне то, что таил долгое время от всех.

– Верно, парень, нащупал жилу, – сказал он. – Значит, фарт у тебя есть. А таперича возьми чуток вперед по борту – там встретишь амазонский камень с «рыбками».

И в самом деле, через пару метров в борту обнажилась жила с голубым амазонским камнем с прорезанными, как «рыбки», вростками серого кварца. Они завораживали своим рисунком, напоминающим какие-то древние письмена. Я стал отбирать отколотые куски этого камня и складывать в кучку. Сердце старого горщика не выдержало, и он спустился ко мне в яму. Вместе с ним мы накопили много амазонита, и я, разложив камни на ровной поверхности, подолгу разглядывал, отбирая по цвету и рисунку. А Василий Фомич, терпеливо ожидая, курил и все говорил, говорил...

Незаметно в лесу скрылось солнце и стало сумрачно. Я вспомнил, что у меня поезд и надо скорей спешить на станцию Миасс. А камни не отпускали – они заворожили меня, и я не мог с ними расстаться.

– Да забирай камешки, которые накопал, они твои, – выручил меня старый горщик.

– Нет, я возьму только двенадцать, но разных, которые пойдут на исследования, – ответил я.

– А пошто только двенадцать? – удивился Василий Фомич.

– Да так, счастливое число – может, принесет фарт, как вы говорите.

– Тебе виднее, парень. А теперь давай приведем копь в прежнее состояние – закроем ее до следующего раза. Потом я провожу тебя до станции коротким путем.

Мы привели копь в надлежащий вид, замаскировав ее, как прежде, и еще обошли несколько старых копей, названных копиями Стрижова. Кто такой Стрижов, мой гид не знал.

– Эти копи древние – они были еще до моего деда.

– А эта копь тоже древняя или вы ее открыли? – поинтересовался я.

– Э-э, парень, эта копь самая древняя, на ней Стрижов не работал – так мой дед говорил. Может, она и есть та самая, откедова энти бабы-амазонки тягали свой камень. Вот вы, ученые люди, и разберитесь, а пока это только красивые сказочки.

Незаметно с разговорами мы дошли до станции Миасс и здесь расстались.

– Передавайте привет Петру Калиновичу, скажите, что образцы для анализов я отобрал с вашей помощью!

– Хорошо, передам! А ты приезжай к нам сызнова, парень. Глядишь, может, еще докопаемся в нашей копи до сути, что таится в ней.

Мы тепло расстались, и, сев в пассажирский поезд на Челябинск, я отправился в обратный путь в свою экспедицию. Она базировалась в поселке Светлый в Челябинской области, а потому называлась Светлинская. Это была крупная геологоразведочная и добычная экспедиция, работавшая на горный хрусталь, который рассматривался как ценное пьезооптическое сырье для промышленных целей и «оборонки». На Светлинском россыпном месторождении из подземных выработок и карьеров извлекались прекрасные кристаллы горного хрусталя. Это было ценное промышленное сырье, которое шло в оптику, на изготовление пьезоизделий и в «оборонку». Попутно с горным хрусталем в россыпях иногда встречались золотисто-желтые топазы и зеленые бериллы, но они самостоятельного значения не имели. Время цветного камня как полезного ископаемого тогда еще не пришло. Но мы, молодые геологи, начитавшись прекрасных книг академика Ферсмана, живо интересовались самоцветами, их происхождением и историями, с ними связанными.

Вскоре после возвращения в экспедицию я доложил на научно-техническом совещании свои впечатления о поездке в Ильменский заповедник. Амазонский камень и рассказы о его необычайных свойствах вызвали тогда огромный интерес. Привезенные мной образцы камня переходили из рук в руки. На них смотрели как на чудо, пытаясь что-то найти в затейливом рисунке белых «рыбок» – вrostков альбита. Наконец я с ведома начальства унес к себе в общежитие все двенадцать камней, чтобы с оказией передать их на исследование в родной Ленинградский Горный институт. Как сокровенный материал они лежали в брезентовом мешочке в тумбочке. А когда ко мне приходили гости и разговор заходил «за камень», то я вынимал свои камешки и начинал рассказывать об амазонках, поясе Ипполиты, Геракле и Ильменских копиях. Надо сказать, что мои рассказы вызывали у слушателей, особенно у представительниц прекрасного пола, небывалый интерес. А молва о моих чудо-камнях уже распространилась по всему поселку Светлый и докатилась до города Пласт – центра золоторудной промышленности района. Оттуда позвонили в экспедицию с просьбой прислать лектора, чтобы прочитать лекцию об амазонском камне в городском клубе. Вот и пришлось мне в виде общественного задания выступить в роли лектора и веселить слушателей рассказами об амазонках и показом самого камня, интерес к которому все больше возрастал. Мне еще не раз пришлось «отдуваться» за амазонский камень, пока не произошло событие, поставившее крест на этой истории.

Вернувшись однажды из командировки в Уфу, я заглянул в тумбочку, где лежали мои камешки. К моему смятению, их там не оказалось: мешочек с двенадцатью амазонитами исчез. Я поначалу думал, что это чей-то розыгрыш, проделка коллег, и умолял вернуть дорогие мне камни. Но, увы, никто из моих товарищей не был причастен к таинственному исчезновению: все только пожимали плечами, сочувствовали и даже пытались найти виновника столь странной кражи. Ведь это были не какие-нибудь топазы и бериллы, а обычные образцы минерала, которые представляли только научный, познавательный интерес. Эта пропажа так и осталась тайной. А я, лишившись камней, прекратил свои рассказы об амазонском камне. Но он оставался в памяти, и я мечтал снова посетить Ильменский заповедник. Но этого сделать так и не удалось. А ровно через шесть лет мне привалило геологическое счастье по большому счету – поехать на поиски самоцветов в страну чудес Монголию. Вот там-то и состоялась моя новая встреча с амазонским камнем.

Камень зеленоликой богини Тары

Самоцветы издавна почитались в Монголии. Из них изготавливались различные украшения и предметы быта, а некоторые камни имели определенное символическое значение в ритуальных обрядах. Так, например, шарики из лазурита, рубина или шпинели на головном уборе в старину олицетворяли место его владельца на иерархической лестнице. Определенные камни посвящались буддистским божествам. Самой почитаемой зеленоликой богине (по-монгольски *Ногон Дарь-Эхэ*) посвящали только самые редкие зеленые камни. Эта богиня, согласно буддистской мифологии, ведет человека через весь океан земного существования и оберегает его от зла. Она являлась самой популярной в кочевьях Монголии, и мне не раз приходилось видеть ее изображение в юрте кочевника-арата в почетном месте на алтаре. А рядом неизменно лежал кусочек *ногоон чулуу* (зеленого камня). По буддистскому мифу, эта богиня родилась из слезы Бодхисаттвы Авалокитешвары³¹, скатившейся на землю – образовалось озеро, на нем вырос и поднялся чудесный цветок лотос. А когда раскрылись его лепестки, там уже сидела зеленоликая богиня Тара. Слеза Авалокитешвары, по мнению буддистов, это символ скорби божеств и несчастья людей. Успокаивать их, искоренять зло и была послана богиня Тара. Ну а люди чтили и поклонялись ей, и тот, кто мог найти *ногоон чулуу* (зеленый камень), приносил его на алтарь богини.

³¹ Буддистское божество сострадания.

Рис. 9. Богиня Тара

Особым почетом у монголов во все времена и до настоящего времени пользовались камни пяти цветов: голубого, красного, желтого, белого и зеленого. В древней символике монгольского народа голубой цвет (цвет неба) означал вечность и верность, красный – силу и радость, белый – чистоту и невинность, желтый – любовь и богатство, а зеленый, цвет жизни, олицетворял божественную силу богини Тары. Выразителями этой цветовой энергии были, соответственно, голубая бирюза, красный коралл и карнеол, желтый сердолик и белоснежный жемчуг и кахолонг. А вот с зелеными камнями Монголии не повезло. Здесь не оказалось нефрита, малахита, хризопраза и многих привычных для нас камней.

Территория соседней с нами Монголии являлась областью традиционной старательской добычи самоцветов. Это нашло свое отражение в первую очередь в обилии древних выработок-копей в местах нахождения самоцветов. Такие выработки известны на месторождениях раухтопаза (дымчатого кварца) – Горихо и Дзун-Баин в Хэнтэйском хребте к северо-востоку от Улан-Батора. Здесь китайские старатели издавна добывали дымчатый кварц и черный кварц (морион) для изготовления очков, защищающих от света. Отражается это и в многочисленных географических названиях гор, местностей, селений, таких как *Оюу-Тологой* (Бирюзовая гора), *Хувт-Хундэй* (Янтарная долина, названная так благодаря находкам янтароподобного благородного змеевика), *Эрдэнэтийн-обо* (Драгоценная гора) или *Эрдэнэ-Цогтын-обо* (Гора драгоценного пламени, названная так из-за красочного рисунка в окаменелом дереве, напоминающем языки пламени). Эти примеры можно было бы продолжить, но и этого достаточно, чтобы понять, что самоцветы Монголии с давних времен привлекали внимание населявших ее народов – хуннов, тюрков, монголов. Тем не менее происхождение многих камней и история их разработок долгие годы были неизвестны. И только в 1968 году в Монгольской народной республике обратили внимание на щедрые природные богатства самоцветов. При министерстве топливно-энергетических ресурсов и геологии была создана специализированная геологическая экспедиция с интригующим всех названием *Унгут Чулуу* («Цветные камни»). В ее задачи входили поиски, разведка, добыча и обработка камней, как ювелирных, так и поделочных. А полем деятельности этого уникального геологического подразделения была вся территория республики с расстояниями более 2000 км по широте и 1000 км по долготе – от бескрайних просторов великой пустыни Гоби до обширных горных хребтов Хэнтая, Хангая и Монгольского Алтая.

Мне посчастливилось в семидесятых годах застать самый разгар этих работ и принять участие в открытии многих замечательных монгольских самоцветов – сапфирина, родонита, граната-пиропа, хризолита, лунного камня и других. Надо сказать, что монгольская природа, создавая свои удивительные творения – самоцветы, явно отдала предпочтение камням красных и желтовато-золотистых тонов. Они словно впитали в себя яркость монгольского солнца, жар расплавленных песков Гоби и неукротимый огонь подземных глубин. Таковы красные гранаты – пироп и альмандин, которыми вправе гордиться Монголия. Это удивительный по своим оттенкам сердолик-карнеол: то ярко-красный как степные цветки-«жарки», то густо-красный и прозрачный, как рубин, то красновато-оранжевый, подобный огненному опалу. Это желтые агаты-ониксы и солнцеподобные сердолики, розовый, как утренняя заря, родонит и разнообразная по цвету яшма.

А вот зеленым камнем природа, казалось, обделила Монголию. Мы долго и безуспешно искали самый излюбленный на востоке самоцвет – нефрит, но он так и не открылся. А есть ли в Монголии амазонский камень? Долгое время его тоже не находили, пока не встретили в Жанчивланском массиве. Среди гранитов, слагающих этот массив, геологи увидели небольшие пегматитовые жилы, содержащие запорыши (пустоты) с кристаллами горного хрусталя и полевого шпата зеленого цвета. Пусть небольших размеров и его было немного, но все же это был амазонский камень яркого салатно-зеленого цвета с вростками дымчатого кварца. Мне сразу же вспомнились Ильменские копи на Урале, где все было гораздо более впечатляющим. И все же я обрадовался находке своего любимого амазонита на монгольской земле. Единичные находки его не имели практического значения – от геологов ждали иного.

Рис. 10. Амазонитовый гранит

Огромный размах гражданского и монументального строительства в монгольской столице и новых городах республики требовал применения дешевого и разнообразного природного сырья. А в самом Улан-Баторе в это время стал строиться Дворец Бракосочетания, в котором художники планировали создать настенные мозаичные панно из цветного камня. И наша экспедиция приняла на себя заказ времени: искать и найти различные по цвету декоративные поделочные камни. В Гоби были найдены россыпи с голубыми, как монгольское небо, халцедонами-сапфиринами, разноцветные агаты и яшмы, «камень утренней зари» родонит, белоснежный мрамор и многие другие. А вот с зелеными камнями, казалось, неразрешимая проблема. И вот наконец счастье улыбнулось нам: раздобыли сведения о каких-то необычных зеленых гранитах в 130 км к западу от Улан-Батора. Они были обнаружены геологами-съемщиками на Абдарском гранитном массиве, растянувшемся на несколько квадратных километров среди ровной полынной степи. Здесь на невысоких сглаженных сопках где-то прятался диковинный зеленый гранит, скрываясь от глаз под таким же зеленым и сочным травяным покровом. Вместе с монгольским геологом Будом мы излазили весь массив, изучая каждую осыпь или коренной выход гранитов, осматривая каждую промоину и выбросы из тарбаганьих нор. Вначале нам не везло: попадались лишь мелкие граниты зеленовато-белых тонов. И вот наконец на вершине одной сопки среди буро-серых осыпей словно брызнула в глаза ослепительная яркая зелень. Вот они, зеленые граниты, а правильнее их назвать амазонитовыми гранитами. И здесь они уже были не в виде отдельных пятен, а предстали перед нами сплошными глыбовыми россыпями, протянувшимися на 300–500 м. С каким упоением мы раскалывали молотками выветренные поверхности глыб, внутри которых открывалась дивная каменная мозаика! В ней щедро были разбросаны крупные зерна амазонита, то похожего на зеленую степную траву, то зеленовато-голубого цвета

– совсем как амазонский камень с Урала. На зелено-голубом фоне пород кое-где мелькали прозрачные зерна дымчатого кварца, белел похожий на сахар альбит, черными глазами светилась железная слюдка – биотит. Наиболее красивыми были бесплодные породы со спокойными, голубыми тонами, где больше всего содержалось собственно амазонита.

Рис. 11. Монгольский всадник

Мы перебрали с Будом целые груды амазонитовых гранитов, выделяя среди них различные типы по цвету и рисунку, и отбирали лучшие образцы зеленого камня. Уже вечерело, когда мы с наполненными доверху рюкзаками спустились с гор в долину навстречу ярко горящему костру, зажженному товарищами. Они уже заждались нас, но, по обычаю, до еды не пытали нас расспросами. Пожилой техник Буян неторопливо разогревал на костре пищу, а мы с наслаждением глотали из пиал терпкий, бодрящий крепостью кумыс. Широкое, обычно невозмутимое лицо Буда на сей раз светилось довольной улыбкой. Наконец он не выдержал, развязал свой рюкзак и начал выкладывать возле костра собранные образцы амазонитового гранита. Буд раскладывал их при свете костра, делился своими впечатлениями с окружившими его Буяном и молодыми горнорабочими.

Я не слушал его: у костра меня разморило, и веки, словно намагниченные, начали смыкаться. Но Буд не дал мне спать: его очень заинтересовал этот загадочный амазонит, так щедро украсивший абдарский гранит.

– Ну ладно, Буд! Я расскажу вам все, что знаю и помню об амазоните, – согласился я. – Дай только заварю – да покрепче, как эта ночь, – чай.

И я рассказал монгольским товарищам об Ильменских копиях на Урале, о воинственных амазонках, именем которых назван камень, о необычных свойствах этого удивительного, чисто женского самоцвета. Я долго рассказывал, сидя возле костра посреди безмолвной ночной степи. В небе полыхали холодным пламенем крупные звезды, а над темнеющими сопками нависла Большая Медведица, словно желая зачерпнуть своим ковшом вершину Абдарского массива амазонитовых гранитов. И меня снова стало клонить ко сну, но Буду не давал

покоя этот загадочный амазонит. Он еще долго выпрашивал меня, уже лежа в спальном мешке.

Наутро, откинув полог палатки, я увидел угловатую фигуру техника Буяна, старательно поджаривавшего на костре тушку тарбагана. Кто же это так постарался? И тут я заметил сидящих возле костра гостей – старого степного арата и невысокую девушку с длинным охотничьим ружьем и в голубом халате-дэле. Неподалеку, в высоком частоколе разноцветных трав, паслись их низкорослые черногривые лошадки – мори. Сидевший рядом с гостями Буд оживленно рассказывал им об амазонском камне, поглядывая на лежащие у его ног штуфы амазонитового гранита. Я подошел к костру и познакомился с гостями. У суровой с виду охотницы оказалось нежное поэтическое имя Наранцэцэг (солнечный цветок). Она с большим интересом слушала рассказ Буда об амазонках и их камне, с лица ее исчезла кажущаяся суровость, и она вся светилась белоснежной улыбкой.

После традиционного чаепития с поджаренным тарбаганом Наранцэцэг, пожелав нам на прощанье удачи, ловко вскочила на свою рыжую лошадку и, сидя прямо, не сгибаясь в седле, стремительно понеслась по степи. Перехватив мой восхищенный взгляд, Буд с улыбкой заметил:

– Наверное, эти самые амазонки жили и у нас в Монголии. Я так думаю, – и в его хитро прищуренных глазах запрыгали огоньки.

Окрыленные первой удачей, мы вернулись к амазонитовым гранитам для проведения необходимых геологоразведочных работ. Наши прогнозы оправдались: были выявлены большие запасы амазонитовых гранитов, которые впоследствии использовали как ценный природный материал.

Каменный цветок

Спустя два года я снова встретился с монгольским амазонским камнем, но уже в другом, неузнаваемо преображенном месте. Тогда в центре Улан-Батора построили беломраморное здание Дворца Бракосочетания. Дворец еще не работал, шли последние приготовления к его открытию. Но мы, геологи, внесшие вклад своими камнями, получили возможность одними из первых осмотреть его. Поднявшись по мраморным ступеням дворца и войдя в его центральный зал, я увидел огромное – во всю стену – мозаичное панно из монгольских самоцветов, добытых нашей экспедицией из разных районов Монголии. Композиция этой картины была разработана московским художником-монументалистом *Е. Н. Яценко* и его монгольским коллегой *Амгаланом* в лучших традициях монгольского прикладного искусства, с учетом символики цветов и узоров.

В центре мозаичного панно было изображение легендарного цветка Востока – лотоса, сделанного из нежно-голубого сапфирина в сочетании с другими прекрасными монгольскими самоцветами: разноцветными агатами, сердоликом, яшмой и ярким, как весенняя листва, амазонитовым гранитом. И вся эта композиция, призванная выразить пожелание счастья, здоровья и радости молодым, вписывалась в нежно-розовый, как заря, основной фон картины, выполненный родонитом, открытым нами в пустыне Гоби.

«Здравствуй, монгольский самоцвет! Ты занял достойное место в этом замечательном дворце!» – мысленно произнес я.

– Здравствуйте! Я вижу, вы геолог, – донесся до меня тихий и мягкий женский голос.

Я оглянулся и увидел женщину-монголку, одетую по-европейски. Судя по облику, это была сотрудница Дворца. Я молча кивнул ей.

– А тогда скажите, пожалуйста, – быстро заговорила она, волнуясь и смешивая русские слова с монгольскими, – как называется этот розовый камень на картине? Наверное, он привозной – в Монголии такого нет?!

– *Оглэний туяа чулуу* (камень утренней зари)! – ответил я ей с нескрываемой гордостью. – А родом он из Восточной Гоби!

– Камень утренней зари! – восхищенно воскликнула женщина. – Как это прекрасно и глубоко символично: ведь заря – это рождение нового дня, начало новой жизни! А как называется этот *ногоон чулуу* (зеленый камень), олицетворяющий нашу вечно зеленую степь?

– Это амазонский камень, открытый в центральном аймаке на Абдарском массиве. Он самый загадочный из всех известных камней, – ответил я.

– О-о, ногоон чулуу – любимый нашим народом камень. Издавна его посвящали самой любимой и почитаемой богине Ногоон-Дарь-эхэ – зеленой Таре. Она была символом любви и оберегала людей от зла. И камень нашел в нашем Дворце достойное место.

Пусть он всегда радует глаз вместе с камнем утренней зари и другими прекрасными камнями! Пусть эти камни вселяют в молодоженов, которые скоро войдут в этот зал, любовь, нежность и радость новой жизни! Да будет так всегда!

Целебная сила амазонского камня

С изумрудно-зеленого склона горы Богдо-Ула под густой синевой неба открывалась удивительная панорама розово-белого, залитого жарким солнцем города. Богдо-Ула – как маяк монгольской столицы Улан-Батора, с высоты которого видно далеко вокруг. С давних времен эта гора считалась у монголов священной, здесь запрещалась охота, нельзя было вырубать лес, и даже лечебные травы собирали по особому разрешению лам.

По народным преданиям, Богдо-Ула в свое время надежно укрыла в густых лесах Чингисхана и тем спасла великого завоевателя древности от верной гибели. Теперь лес уже не такой густой – в нем едва ли укроешься от посторонних глаз. Но все равно этот заповедный уголок природы не утратил своей прелести. Сохранились еще здесь и лекарственные травы, о которых знают лишь немногие посвященные целители.

Буддистский монах Гомбожав – один из них. Мы сидим с ним на склоне горы на теплой мягкой земле, вдыхая опьяняющий аромат целебных трав.

Гомбожав – крупный, широкоплечий, с коротко остриженной, как у борца, головой и сильными чуткими пальцами. Этими пальцами лама-целитель может поставить на место кости, с их помощью может безошибочно назвать все ваши болезни. Впрочем, пульсовая диагностика – это не самое удивительное в лечебной практике ламы. Гомбожав может поставить диагноз, даже взглянув поверх головы своего пациента – вероятно, видит ауру и по ней считывает информацию. Но меня он тогда поразил не этим, а своим отношением к природе. Прежде чем начать сбор каких-либо трав, он на полном серьезе обращался к горе с просьбой: «Прости, гора, что рву траву. Для добра рву, для исцеления – не для наживы». Такое вряд ли услышишь в наше время.

– Зов предков, – улыбается Гомбожав, видя мое крайнее удивление. – Предки наши завещали жить в гармонии с природой, брать от нее ровно столько, сколько необходимо для здоровья. И возвращать тоже. Нельзя всем без исключения заниматься сбором лекарственных трав, ибо алчность человеческая беспредельна и невежество тоже, – убежденно говорит лама.

Такое же отношение у него и к минералам, благодаря которым мы с ним и познакомились. Однако отношение ламы к камням совсем иное, нежели у профессионального геолога. Гомбожав воспринимает камни как живые существа, вслушивается в них, даже разговаривает с ними, вкладывая в них какие-то исцеляющие программы. Он учился в Тибете и постиг многие премудрости тибетской медицины. Основное правило ее: «В мире нет ничего, что не могло бы стать лекарством – растения, камни, животные. Панацеи от всех болезней нет, однако есть средства, чтобы избежать их».

– Отчего человек становится больным? – спрашиваю я у ламы.

Гомбожав называет три основных причины: неумеренность во всем, невежество и злоба. Болезнь, по его мнению – это нарушение энергетического баланса и питания в организме. Здоровый организм не подвержен болезням даже при столкновении с инфекцией.

– Ламы не болеют и живут долго. Старение у них начинается только после восьмидесяти лет – так что мне еще двадцать лет до старости, – улыбается белозубой улыбкой Гомбожав. – Я болезней никаких не знал за тридцать лет моей лечебной практики. А вот лечить болезни у других мне пришлось самые разные. Для здоровья нужна доброта и здоровый дух. Я знаю, русские говорят: «В здоровом теле – здоровый дух». Мы думаем иначе: состояние духа определяет все. Больному легче выздороветь, если он окружен людьми добрыми, с хорошей аурой. И трудно рассчитывать на быстрое выздоровление, если больного окружают люди нервные, безнравственные, ведущие неприятные разговоры. Это пример плохого влияния людей, которое только усугубляет болезнь.

– А можно избавиться от негативного влияния людей? – спрашиваю я.

– Можно! – улыбается Гомбожав. – От таких людей могут защитить камни, которые вы, геологи, раскопали в земле. Такие, как *усан болор* (горный хрусталь), *утаат болор* (дымчатый кварц) и многие другие. Очень важно с помощью камня оградиться от вредного влияния некоторых людей – ведь многие болезни исходят именно от них.

Другая причина возникновения болезней, по мнению ламы, – невежество европейских врачей.

– Ваши врачи, – говорит Гомбожав, – подавляя лекарствами одну болезнь, вызывают другие, а тибетские целители лечат не следствие, а причины, породившие ту или иную болезнь.

Гомбожав поведал мне о сложном составе тибетских лекарств: они состоят из нескольких десятков компонентов растительного, животного и минерального происхождения. И, конечно же, в арсенале тибетских лам-целителей есть минералы в чистом виде – кристаллы и другие изделия в виде шаров, цикубов, усеченных пирамид, различных гармонизаторов, и многое другое. И это только малая, можно сказать, надводная часть «тибетского айсберга».

– А много тайн, связанных с камнелечением, не сохранилось до настоящего времени, – вздыхает Гомбожав. – Мало кто знает и понимает, что можно лечить даже цветом. Индийские целители использовали целебные свойства камней чистого и яркого цвета. Хочешь, расскажу? Тебе, как геологу, полезно видеть в камне не только техническое сырье, но и лекарство для души и тела. Записывать не надо – старайся все запоминать и развивать свою память. Так вот, в индийской науке Аюрведа сказано, что для лечения используются все цвета радуги. Они связаны с тканями организма и помогают регулировать три телесных составляющих – вата, питта и капха. Для лечения индийскими целителями применялись такие цвета и соответствующие им камни.

Красный. Это цвет крови, способствующий образованию красных кровяных телец и кровоснабжению. Он создает телесное тепло, поддерживает цвет кожи и подпитывает энергией нервные ткани и костный мозг. Если будешь смотреть на красный цвет, то пульс участится и тонус повысится. Но все должно быть в меру. Избыток красного цвета приводит к возбудимости, снижению внимания и даже к агрессивности, он может вызвать глазную болезнь и невроты. Выразителем красного цвета по Аюрведе является *бадмараг* – рубин и все другие красные камни (лал, гранат, карнеол, яшма).

Оранжевый. Этот цвет, как и красный, воплощает огненную стихию. Он согревает душу и тело, возбуждает половую чакру, улучшает пищеварение, помогает при лечении селезенки и легких. Этот цвет действует омолаживающе, восстанавливая нервную и мышечную ткань. Самым сильным концентратом оранжевого цвета среди камней является оранжевый *бадмараг*³², известный только в Индии. Одно только созерцание этого драгоценного камня давало необыкновенный прилив праны – жизненной силы и избавляло от многих недугов. У нас в Монголии его нет, хотя заменить его может, я думаю, *шар мана*. Ты его, наверное, встречал в каменных россыпях Гоби – это очень сильный лечебный камень.

Желтый. Излучение желтого цвета оказывает влияние на Манипуру – чакру, которая находится в области пупка или солнечного сплетения. Это энергия, управляющая всеми жизненными процессами в нашем организме. Желтый, солнцеподобный цвет стимулирует пищеварение, увеличивает выделение желудочного сока, улучшает работу печени, тонизирует нервную систему, помогает при лечении кожных заболеваний. Ну а в духовном плане желтый цвет улучшает умственную работу и ведет к полному отмиранию эго. Однако переизбыток желтого цвета вреден и может привести к накоплению желчи в тонкой кишке. В царстве минералов много камней, наделенных этим божественным цветом – вам, геологам,

³² Имеется в виду оранжевый корунд, известный как *парпараджа*.

они все известны. Я могу назвать только два самых признанных в нашей целительной практике – это *шар мана*³³ и *хув*³⁴. Хув применяется для лечения щитовидной железы и должен быть не плавленным, который продается у нас в магазинах, а натуральным и необработанным – такого сейчас с огнем не сыщешь.

Зеленый. Этот цвет олицетворяет чистоту и свежесть листвы. Он оказывает успокаивающее действие и благотворно влияет на сердечную чакру, замедляет ритм биения сердца, успокаивает нервы, способствует восстановлению тканей и мышечных волокон. Но запомни: избыточное накопление в организме вибраций зеленого цвета вредно – может способствовать накоплению желчи и возникновению камней в желчном пузыре. Природа подарила людям самый почитаемый на Востоке камень – *ногоон хаи*, или, по-вашему, нефрит. Он издавна почитался нашими предками хунну и монголами. Они считали, что нефрит своим мягким блеском, глубоким и спокойным тоном призван отгонять буйные страсти, вселять в душу покой и умиротворение. Но у нас своего нефрита в Монголии нет – его всегда привозили из нашего великого соседа Китая.

Что из него делали? О-о! Это самый почитаемый у нас камень. Каждый уважающий себя монгол всегда мечтал иметь *хуруг* – табакерку для нюхательного табака из нефрита и курительную трубку. Ну а наши ламы-целители называли *ногоон-хаи* камнем спокойствия, олицетворяющим главную заповедь Востока: «Не волнуйся и не спеши – дней в году много». И еще у нас, у буддистов, очень почитается зеленоликая богиня Тара. Ее иконы можно встретить во многих монастырях, но советую посмотреть ее в музее монастыря Эрдэнэ-цзу. Художник изобразил Зеленую Тару как зеленое существо, к тому же обнаженную и прекрасную женщину. Она прекрасна, как могут быть прекрасны только смертные, а потому понятны и любимы всеми смертными. Почему богиня зеленая? Сам этот цвет несет покой и умиротворенность. Вот почему монголы всегда любили зеленый камень. Неужели у нас в Монголии нет месторождений зеленого камня? Плохо вы, геологи, ищите, – неожиданно сделал выпад в мою сторону лама.

Я не стал возражать, чтобы не помешать этой необычной лекции на священной горе.

– Ну ходим дальше! – сказал Гомбожав. – За зеленым цветом следующий, голубой.

Голубой. Как считают йоги, это цвет чистого сознания, который оказывает успокаивающее и охлаждающее воздействие на физическое тело и ум. Он способен устранить в организме избыток питты³⁵, помочь при заболеваниях печени, нормализовать артериальное давление, помочь при заболеваниях глаз, голосовых связок и горла. Голубой цвет воздействует на голосовую чакру Вишудха. В каменном царстве есть выразители этого божественного цвета, но их тоже мало – это индийский сапфир и наши монгольские *оюу* (бирюза) и *цэнхэр мана*³⁶ из Гоби. И здесь также нельзя допускать избытка этого цвета. Он может вызвать приливы ваты и капхи, что создаст закупорки в организме, вызовет ощущение страха и даже спазмы.

Синий. Это цвет неба, который символизирует высшее сознание и очищение. Он воздействует на духовную сферу и через нее на все физическое тело. Синие камни (*хух чулуу*) повышают жизненную силу, способствуют восстановлению нервной системы. Они концентрируют внимание, используются для лечения заболеваний глаз, психических расстройств, помогают при некоторых кожных заболеваниях и обладают антисептическим эффектом. Синие камни встречаются реже, чем зеленые. Я знаю только один *номин чулуу* (лазурит) из

³³ *Шар мана* – сердолик.

³⁴ *Хув* – янтарь.

³⁵ В Аюрведе вата – биологические принципы движения мышц и сосудов, капха – телесная вода, заполняющая пространство в теле, питта – телесная тепловая энергия.

³⁶ *Цэнхэр мана* – голубой халцедон или сапфирин.

Афганистана. Индийские йоги утверждают, что медитация с шаром из *номин чулуу* снимает головную боль и помогает при горной болезни.

Фиолетовый. Индийские йоги особенно почитают этот цвет. Это цвет Аджны – чакры «третьего глаза» или цвет космического сознания. Он ведет к пробуждению в человеке ясно-видения, высшего сознания, создает легкость в телесной и духовной сфере, открывает путь к восприятию мудрости. В Аюрведе считается, что фиолетовый цвет облегчает в организме избыток питты и капхи, но избыток его может обострить, в свою очередь, элемент вата. Этот цвет оказывает благотворное влияние при головной боли, депрессии, сотрясении мозга, воспалительных процессах, облегчает болезни печени и почек. Самым лучшим носителем этого цвета среди камней является аметист. Еще давно китайские старатели добывали его на горе Харнасту-обо в Дорнотском аймаке и сбывали купцам в Урге³⁷. У меня есть один такой камешек размером с большой палец, и когда вдруг немного заболит голова, прикладываю его к переносице – боль через несколько минут проходит. Остались у нас еще три цвета – розовый, белый и черный.

Розовый. Символизирует такие качества как любовь и сострадание, чистота и открытость. Наряду с зеленым розовый цвет действует, прежде всего, на сердце – на сердечную чакру Анахату. Нежный розовый цвет несет радость и очищение психики от плохих влияний, помогает уйти от страхов и опасений. В мире камня я знаю розовый мрамор (*ягавтаар гантиг*), из которого делают шары для медитации. Слышал, что теперь вы, геологи, нашли еще один розовый камень – *оглений туяа чулуу*³⁸ – это хороший подарок людям.

Белый. Самый священный цвет, соединяющий человека с божественной сферой. Он является символом чистоты и веры. Белый (*цагаан*) благотворно влияет на психоэмоциональное состояние, несет успокоение, стабильность и гармонизацию функций организма. Этот цвет отразился в наших названиях рек, гор, ну и камня *цагаан чулуу*³⁹.

Черный. Этот цвет оказывает благоприятное влияние при заболеваниях, обусловленных факторами холода и влаги. Черных камней, как ты знаешь, в Монголии много – это *чулуун нуурс* (каменный уголь), *хар мана* (черный агат), а у нас в Хангае, где много потухших вулканов, множество *хара чулуу галтуулын* – черных камней вулканического происхождения. Издавна местные жители применяли такие камни для лечения суставов – черный цвет вбирает боль в себя.

Вот и все основные цвета, которые создала природа, но есть еще разные смешанные цвета и оттенки, и действие их различно. Одни влияют хорошо, другие – плохо, – закончил свою лекцию лама.

Все это время он держал в руках четки из какого-то зеленоватого камня. Они меня заинтересовали.

– *Энэ ямар чулуу?* – спросил Гомбожав, протягивая мне свои четки.

Я узнал камень сразу – это был мой старый знакомый.

– Толигор⁴⁰ из Южной Гоби, – ответил я. – Этот камень желто-зеленого цвета. А какое влияние оказывает слияние этих двух цветов в одном камне?

– Вопрос по существу, – ответил тот. – Желто-зеленый цвет обладает свойствами желтого и зеленого цветов, а потому одновременно воздействует на сердечную и пупковую чакры. Это очень важно! По Аюрведе, желто-зеленый цвет регулирует в организме элементы вата и капха, успокаивающе действует на ум и всю духовную сферу, устраняет гнев, подозри-

³⁷ Урга – старое название Улан-Батора.

³⁸ *Оглений туяа чулуу* («камень утренней зари») – имеется в виду родонит.

³⁹ Имеется в виду кварц, мрамор, кахолонг.

⁴⁰ Толигор – нефритоподобный змеевик.

тельность и очищает сердце. Вот почему четки из желто-зеленого камня полезны не только духовным лицам, но и всем людям.

Наша беседа с ламой заканчивается, и тут я вспоминаю, что у меня в кармане лежит кусочек амазонского камня с Абдарского массива. Интересно узнать, что скажет о нем лама. Я протягиваю ему этот камень и с замиранием сердца жду ответа.

– *Цэнхэр ногоон чулуу* (голубовато-зеленый камень)! Имени его я не знаю, – произносит Гомбожав и, зажав камень в ладонях, подносит к своей груди.

Лама закрывает глаза и как бы вслушивается в то, что «говорит» ему камень. Наконец он открывает глаза и говорит:

– В этом камне очень удачное сочетание голубого и зеленого цветов, воздействующих одновременно на сердечную и горловую чакры. Он оказывает сильное успокоительное действие, может снимать стрессы и предупреждать эпилептические припадки. Что же это за камень и откуда он?

И тогда я поведал ламе историю этого минерала, не забыв рассказать об амазонках и о том, как они, предположительно, использовали этот камень. Гомбожав с большим интересом выслушал рассказ и принял в дар мой камешек.

– В этом камне заключена какая-то большая, еще не раскрытая тайна, – промолвил он. – И очень хорошо, что вы, геологи, нашли его у нас, на монгольской земле. Пришло время, когда камень может стать не только украшением, но и лекарем души и тела. Сейчас, после всех идеологических запретов и гонений, важно возродить, воссоздать по крупицам тысячелетний опыт медицины Востока – Тибета, Китая, Индии и Монголии. Много сокровенных знаний находится в древних тибетских странах, нужно отыскать уцелевшие. Ну а вы, геологи, можете помочь своими открытиями новых камней, которые могут стать подлинными хранителями здоровья.

На земле легендарной Гипербореи

Вспомним еще раз о четвертом подвиге Геракла, когда он целый год ловил золоторогую лань и достиг в погоне за ней Крайнего Севера – страны гипербореев. Вот здесь-то неутомимая лань наконец остановилась – дальше бежать ей было некуда. Кто же такие гипербореи, которые часто упоминаются в древнегреческой истории и мифах?

Древнегреческие историки называли гиперборейцами исполинский народ, почитавший бога Аполлона и живший, согласно бытовавшим поверьям, «на спине у северного ветра» или за «горами» в вечном блаженстве при постоянном свете солнца. Мифотворцы писали, что Аполлон проводил среди гипербореев зиму. А вот уважаемый историк древности *Геродот* указывал, что гипербореи жили на территории современной России, и также добавлял, что гипербореи присылали через Адриатику богу Аполлону в Дельфы⁴¹ какие-то жертвенные приношения, завернутые в пшеничные колосья, однако сами там не появлялись. В этой легенде некоторые видят намек на действительно существовавший янтарный торговый путь через Балтику. И еще Геродот поведал о гиперборейском жреце Абарисе, который летал по воздуху и не нуждался в пище.

С тех пор загадочная страна гипербореев волновала умы многих исследователей. А четыре века назад знаменитый историк-картограф *Герхард Меркатор* впервые начертил карту Гипербореи, которая располагалась на территории Кольского полуострова и Северной Карелии. В наше время исследователи продолжают искать следы гиперборейской цивилизации, уходящей в глубь тысячелетий. Пример тому – работа научно-исследовательской экспедиции «Гиперборея-98». Несмотря на жестокие осенние шторма, участники экспедиции добрались до священного на Кольском полуострове Сейдозера и установили на его берегу экспедиционный флаг – Андреевский стяг с картой Гипербореи Меркатора в центре. И здесь исследователи столкнулись с многими загадками, на которых нет однозначного ответа.

Первая из них – это сейды, саамские святыни, которым аборигены Севера поклонялись испокон веков, считая духов камня божествами природных стихий. Что такое сейды? Это огромные глыбы-валуны весом до двух тонн, поставленные на вершинах гор. Среди сейдов встречаются так называемые «поющие камни» – глыбы, которые не касаются поверхности и стоят на камнях-окатышах, как на ножках. При ударе о верхнюю часть сейда булыжником глыба издает протяжный, мелодичный звон.

О поющих сейдах у местного населения, саамов (или лопарей), существует много легенд и историй. В одной из этих историй говорится: «Поющие сейды самые древние, и поставили их наши далекие предки – гигантского роста. И поставили они каменные глыбы там, чтобы они звучали, чтобы днем и ночью пели только им понятные мелодии. А когда к такому поющему сейду подойдет человек, то он подскажет ему, как быть, снимет с него боль и усталость».

⁴¹ Дельфы – священный город, место пребывания дельфийского оракула в Древней Греции.

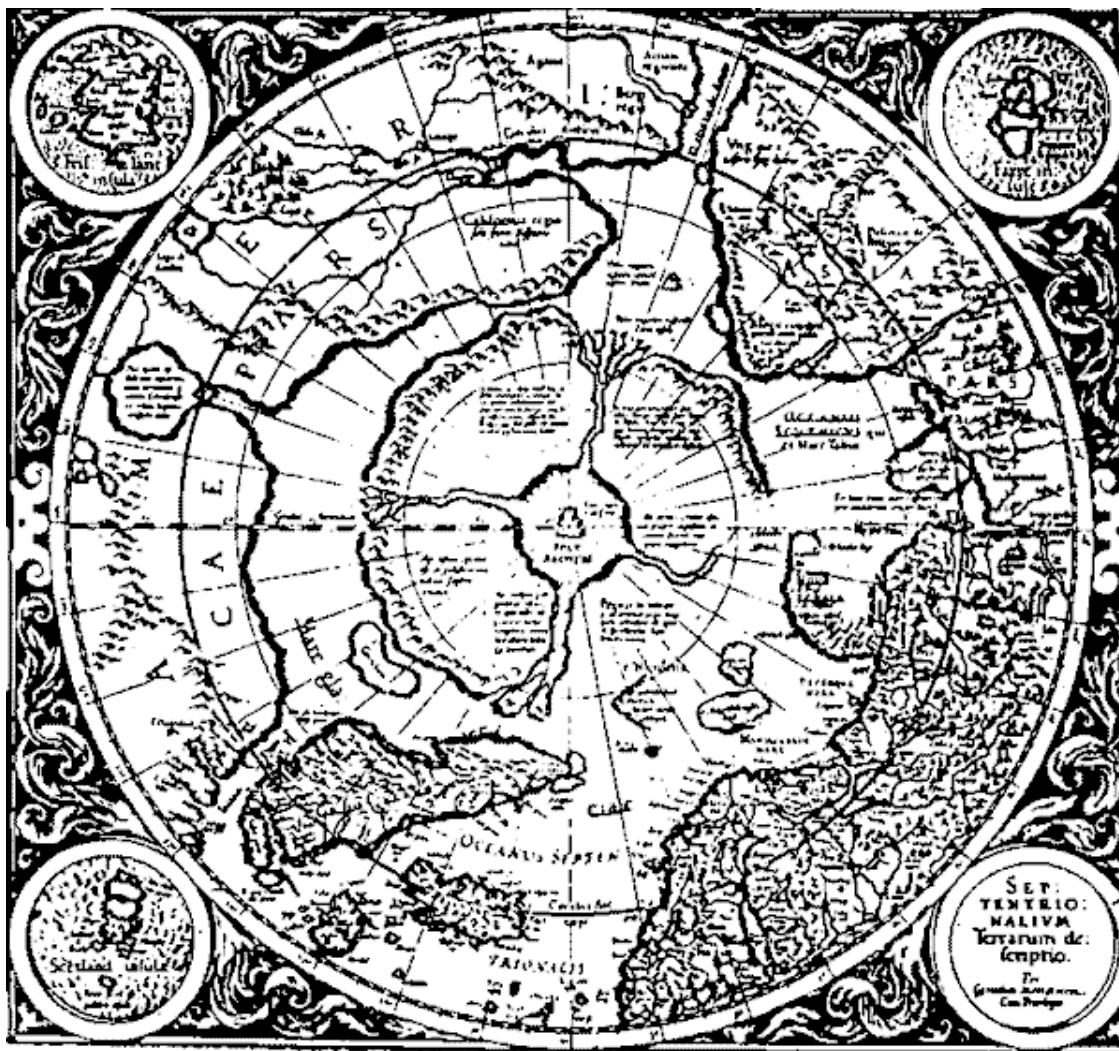

Рис. 12. Карта Гипербореи, составленная Г. Меркатором

Сколько таких сейдов, «поющих» и «молчащих», раскидано на Кольской земле и в соседней Карелии, никто не считал. Но чаще всего они встречаются все же в центре Кольского полуострова – в Хибинском и Ловозерском горном массивах.

Наряду с обычными глыбами-сейдами здесь можно увидеть каменные пирамиды, выложенные из крупных валунов местных пород нефелиновых сиенитов-луявритов. Пирамиды на Крайнем Севере России, в краю гипербореев! Разве это не сенсация?

И еще более удивительно, что на некоторых камнях явно проступают высеченные знаки – трезубец, стрела, но чаще крест. Что это – игра природы, которая «рисует» свои знаки, или следы гиперборейской цивилизации? Но почему тогда на сейдах присутствует крест – более поздний христианский символ? Исследователи из экспедиции «Гиперборея-98» предполагают, что крест, на котором, по преданию, был распят апостол Андрей Первозванный, восходит к древнейшему пласту символики. По их мнению, такой крест, как и простой с прямыми углами, олицетворял пирамиду (в проекции сверху). А пирамида, по древним воззрениям, не что иное, как священный символ Мировой Горы, расположенной, согласно индоевропейским легендам, на Северном полюсе. Так ее изобразил и уже упоминавшийся Герхард Меркатор на своей знаменитой карте Гипербореи. Каменные пирамиды, загадочные сейды, таинственная символика на камнях и многое

другое свидетельствуют о существовании древнейшей человеческой цивилизации, которая была названа античными историками Гипербореей.

После резкого изменения климата на земле гиперборейцы – предки современных людей – были вынуждены покинуть обжитый Север и уйти в южные районы материка. Свидетельства об этом имеются в священных книгах ариев «Ригведе» и «Авесте», а также в мифах и легендах многих народов – шумеров, египтян, греков и др. И косые кресты на пирамидах Кольского полуострова, и многочисленные сейды – это символы Гипербореи, немые свидетельства древнейшей цивилизации, возникшей на Севере нынешней России. И более всего влечет к себе Ловозерский горный массив в самом центре Кольского полуострова. Тайна этого уникального природного заповедника растворена в самом воздухе – хрустально чистом воздухе полярных широт. И округлая конфигурация Ловозерского массива, и саамские названия гор говорят сами за себя: Нинчурт (Женская грудь), Кемеспачхорр (Гора любви) и многие другие поэтические названия. Местные жители, саамы (лопари), унаследовали традиции гипербореев и до сих пор поклоняются горам и сейдам.

А в центре Ловозерского массива озеро Сейдъявр (Сейдозеро) – голубая жемчужина несравненной красоты, обрамленная скалистыми берегами. Вокруг ни души, первозданная дикая красота и неестественная тишина. А над западной оконечностью озера нависла огромная скала, напоминающая сфинкса. Это и есть легендарное каменное чудовище Куйва – вечный хранитель здешних мест. Академик *Ферсман* в книге «Воспоминание о камне» приводит легенду о борьбе саамов со шведами, героем которой стал Куйва: «И пошли они настоящей войной – кто с дробовиком, кто просто с ножом, пошли все на шведа, а швед был сильный и не боялся лопи. Сначала он хитростью заманил на Сейдъявр нашу лопь и стал ее крошить. Направо ударит – так и не было десяти наших, и каплями крови забрызгали все горы да тундры; налево ударит – так не было снова десяти наших, и снова капли крови лопской разбрызгались по тундрам. И все же победили саамы шведа с помощью Куйвы, который превратился в скалу над Сейдъявром, и только красные капли саамской крови остались и превратились в камни, которые так и называются „саамская кровь“. А по-научному – эвдиалит».

Вот такая легенда живет среди саамов, которые относятся к Сейдозеру как к заповедному месту, с благоговением и даже страхом. Многие из них убеждены, что именно здесь в глухих уголках Сейдъявра обитает йети – снежный человек. Однако это не остановило нас, геологов, от обследования Сейдозера с целью поиска редких материалов. Поначалу все складывалось удачно. Раскинув лагерь на южном берегу озера, а затем самозабвенно выискивая в жилах великолепные кристаллы эвдиалита, похожие по цвету на рубин, мы нашли здесь лимонно-желтые кристаллы апатита, снежно-белый натролит и, наконец, самое ценное – лунный камень в виде крупных пластинчатых кристаллов. А затем что-то не заладилось и стали происходить непонятные вещи.

Первый сюрприз нам преподнесло озеро Сейдъявр. Оно не всегда бывает таким умиротворенно-спокойным. Мне оно запомнилось другим – бурным и коварным, едва-едва не поглотившим меня и моего спутника в своей бездонной пучине. Разыгравшаяся внезапно стихия застала нас в моторной лодке посреди озера – мы с геологом Сашей Светличным возвращались в лагерь с восточной оконечности озера. Шквальный ветер, неожиданно прорвавшийся откуда-то со стороны все того же чудища Куйвы, нагнал гигантскую волну, которая обрушилась на наше суденышко. Неожиданно заглох мотор. Саша попытался завести его, отчаянно дергая за шнур, но безуспешно.

– Свеча намокла, – побелевшими губами выдохнул он, – сейчас достану запасную. Только бы успеть!

Схватив короткое алюминиевое весло, я тщетно пытался выровнять лодку, но ее уже закутило волчком и стало захлестывать ледяной водой. Как часто бывает в экстремаль-

ных ситуациях, мысль работала обостренно, будя память и разворачивая целую цепь самых неожиданных ассоциаций. Вспомнился старый шаманский наказ: в минуту опасности надо отдать в жертву стихии свой камень-оберег. А он был всегда со мной – желтый кристалл цитрина, на котором остался энергетический след индийской колдуньи. У меня не было времени для раздумий, и, вытащив из намокшей куртки завернутый в платок амулет, я бросил его в набежавшую волну.

И вот оно, чудо! Это ли мое действие или что-то другое спасло нас от неминуемой гибели? Ураганный ветер неожиданно стих, Саше удалось завести мотор, и после напряженного маневрирования по волнам нам удалось все же дотянуть до причала. Этим случаем не ограничилось влияние неведомой враждебной силы на новоявленных пришельцев. Спустя пару дней у нас неожиданно пропала сама моторная лодка, поиски ее по всему озеру были безуспешными. А когда вслед за этим исчезло наше продовольствие из продуктовой палатки, мы поняли, что надо сматываться с этого заклятого места. Захватив наши трофеи – образцы минералов с Сейдьявра, – мы по горной тропе вышли на «большую землю» – рудник Ревду. А впереди нас поджидала самая удивительная находка в Ловозерском массиве.

Тайна ловозерского гиацента

Геологи при поисках самоцветов в новых районах старательно собирают по крупицам информацию – от старых отчетов исследователей и архивных сведений до местных источников. Даже всевозможные истории и легенды, связанные с камнями и живущие в народе, для геолога рабочий материал. Ну а находки старых заброшенных выработок-копей – это уже прямые признаки бывшего старательского промысла. Значит, в этом месте надо искать тот или иной самоцвет. Так было при поисках цветных камней на Урале, в Сибири, Средней Азии и Карелии, где всегда существовал каменный промысел. Другое дело Кольский полуостров – неведомая и первозданная страна, в которой местное население, лопари (саамы), с незапамятных времен занималось только оленеводством и охотой. Но они с благоговением почитали и охраняли от пришельцев каменные сооружения – сейды, доставшиеся им от далеких предков человечества – гипербореев. Мы, молодые геологи, волею судьбы попавшие в этот дикий и неведомый край с поющими камнями-сейдами, ощущали какой-то необычайный романтический настрой. Мы чувствовали себя первопроходцами, первооткрывателями дикивинных, ранее не встречавшихся в нашей практике минералов.

Душой нашего небольшого поискового отряда был мой товарищ еще по Уралу *Юрий Степанович Кобешев*. Это был удивительный человек, «уральский самородок», не получивший специального образования и уже тогда признанный одним из лучших минералогов. Камни были его страстью и целью жизни, ради них он забывал обо всем личном, а лучшим отдыхом для него было копаться в своей домашней коллекции. Ну а Кольский полуостров сулил, казалось, большие находки. Когда мы ушли с Сейдозера от «разбушевавшегося» великана Куйвы, то оказались на редкометалльном руднике «Карнасурт» в северо-западной оконечности Ловозерского массива. И там рудничные геологи посоветовали нам спуститься в глубокую шахту, где наряду с ценной рудой была неожиданно вскрыта пегматитовая жила с многочисленными минералами. Эта жила, названная Юбилейной, оказалась настоящим минералогическим чудом. В ней встретились редчайшие минералы, не известные больше нигде, кроме Кольского полуострова. Кобешев насчитал около пятидесяти минералов с оригинальными названиями в честь исследователей, ученых, таких как ломоносовит, ферсманит, беловит, белянкинит, куплетскит и многие другие. Встретились и новые экзотические минералы, названные в честь покорителей космоса – комаровит и армстронгит, а также редчайший раит – по названию легендарного плота, на котором знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал совершил свое удивительное путешествие по морям-океанам.

Невзирая на сырость и полумрак, освещая фонариками стенку выработки, где обнажалась жила, мы вдохновенно отбирали каменный материал и складывали его в рюкзаки. Это был ценный и редкий коллекционный материал, который интересовал не только наши музеи, но и многочисленную армию любителей-коллекционеров из многих стран. Окрыленные успехом, мы доставили отобранные камни на нашу перевалочную базу в лопарский поселок Ловозеро – центр Ловозерского района. И здесь нас ждали новые приключения.

Как-то в оленеводческой столовой к нам подошел местный лопарь и, узнав, что мы геологи, пожелал сказать нам нечто важное. Такое случалось редко, ибо местные жители сдержанны и неохотно общаются с приезжими. Лопарь, будучи слегка навеселе, поведал нам следующую историю.

– Был у нас, ребята, в Ловозере один парень, звали его Пашка Комар. Работал, как и мы, то в оленеводческой бригаде, то в рыболовецкой артели, но нигде долго не задерживался из-за своего гнусного характера. Одним словом, Комар жужжал постоянно и жалил людей злыми словами. И вот как-то Комар приобрел лодку с навесным мотором и стал сам рыбачить на Ловозере и катать туристов али каких людей за бутылку-другую. Как говорится, какой

лопарь не любит хмельного – все мы грешны. Но Комар пристрастился к зелью так, что жить без него не мог. И это его сгубило. Но дело не в нем, а в истории, которая с ним приключилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.